

**Ирина
Ульянина**

Мужчина и Женщина

**Жена
моего любовника**

*Видимо, только она считала,
что их страстный роман выходил за пределы
курортного приключения...*

Ирина Ульянина

Жена моего любовника

«Центрполиграф»

2008

Ульянина И. Н.

Жена моего любовника / И. Н. Ульянина — «Центрполиграф»,
2008

Катю Макееву долгие пять лет мучил вопрос: почему Сергей оставил ее? Видимо, только она считала, что их страстный роман больше чем курортное приключение. Пока девушка тосковала и терзалась, ее бывший возлюбленный женился и обзавелся двоими детьми. Случайно встретив его, Катя решила еще раз попытать счастье. Оказалось, что у любимого темное прошлое и весьма противоречивое настоящее. А тут еще и проблемы ненавистной соперницы, жены ее любовника...

© Ульянина И. Н., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Николаевна Ульянина

Жена моего любовника

Глава 1

Линии метро в Новосибирске коротки, как бабий век: не успеешь юркнуть в вагон, устроиться на сиденье, – пора на выход. А карта нашего метро похожа на крест: восемь станций вдоль и четыре – поперек. И все, кто живет в нашем городе, несут этот кривоватый, будто изогнувшийся под тяжестью антигуманного климата крест, – спускаются под землю и едут. Добираться метро всяко быстрее, чем по устланному гололедом, засыпанному снегом и забитым пробками автотрассам, пусть и с пересадками.

Я в подземке частый гость. Многих кассирш, продавщиц, музыкантов и попрошайек знаю в лицо. Мне нравится разглядывать метрополитеновский народ. Пока поезд мчит, нескольких минуточек хватает, чтобы напридумывать про встречных-поперечных с три короба, выстроить им судьбы. Наверное, будь я писательницей, цены бы мне не было!.. Но, увы, я не хозяйка даже собственным жизненным сюжетам. И счастье, и удача несутся мимо. Их, точно поезда, со свистом засасывает в черный тоннель...

На станции «Студенческая» в вагон влились конечно же студенты. Ну, может, не одни только студенты, но преимущественно молодые люди, испорченные вульгарными представлениями о модных тенденциях, всеми этими трэшами и трендами, топами и брендами. Среди парней преобладали аутисты в темной, практичной одежде, заткнувшие уши аудио– и телефонной гарнитурой, читающие Esquire или «Компьютерру». А по облику девчонок было заметно, что они не читали ничего тяжелее Cosmo или «Я покупаю», зато точно знают, где дешевле наращивать ногти, делать перманентный татуаж и лечить ЗППП (заболевания, передающиеся половым путем). У них повсюду стразы – на сумочках, пряжках ремней, застежках, заколках – и немыслимые шпильки. Фейсы отглянцованы не по-детски, волосы измучены красками и лаками, а изо рта пахнет табаком и перегаром, который не перебивает мятная жвачка. Сразу заметно, что часто ночуют не дома. Эти девушки думают, что выглядят страшно сексуально, оголяя животы и поясницу вопреки злым морозам. На самом деле окружающим страшно представить, что станет с их почками.

Напротив меня приземлились две свиристелки. Та, что посимпатичнее, смахнула с белокурой головки норковый капюшон, достала из сумочки навороченную плоскую фотокамеру, – не сомневаюсь, там двузначное количество мегапикселей. Она тыкала отманикюренным ногтем в кнопку, рассматривая отснятые кадры на крошечном мониторе, и возбужденно хихикала, будто ее щекотали. По ходу хвасталась бойфрендами, разжигая зависть блеклой подружки, до ушей обмотанной самосвязанным шарфом. Красавицам нравится окружать себя дурнушками. По тому же принципу аранжируют цветы на клумбах: в центре – крупные, роскошные, сортовые розы, а вокруг для контраста – линялый ситец васильков и незабудок. Кому надо, тот оценит их скромность, польстится на обаяние застенчивой девственности. Но кому, интересно знать, надо, если роза – вот она, эротично топорщится всеми своими лепестками и благоухает, прямо-таки просится в глаза?!

Все девушки похожи на цветы. Вот я, например, далеко не роза, но и не таксебешный полевой лютик. Скорее садовый ирис – неброский, но изысканный цветок на стройной ножке. Чтобы подчеркнуть сходство, постоянно оттеняю глаза фиолетовой тушью и фиолетовой подводкой. А что? Синеглазая брюнетка смотрится довольно эффектно!.. У ирисов один недостаток – они цветут всего ничего, с мая по июнь. По ботаническим параметрам я пребываю как раз на границе между весной и летом, на пике расцвета, в самом соку – недавно тридцать

лет стукнуло. Лепестки ланит еще свежи, но слегка, совсем чуточку, тронуты увяданием. Вот кто придумал морщинки, неотвратимый ужас старения? Как было бы прекрасно жить да радоваться вечной молодости...

Свиристелки, не подозревавшие о своем счастье – той самой реальной молодости, которую утратить можно, а вернуть ни за какие деньги нельзя, – беспечно шушукались. За их спиной мелькали голые деревья, подо льдом текла река. Перегон между «Студенческой» и «Речным вокзалом», когда поезд, вырвавшись из-под земли, летит по мосту над Обью, похож на ленту киноплёнки. Кадры, в которых заснеженное, белое, как наряд невесты, русло целуется с белесым небом, чередуются с темными поперечинами проемов. А в визуальной совокупности они образуют завораживающее черно-белое кино.

На станции «Октябрьская» девчонок как ветром сдуло, но в метро свято место пусто не бывает. Скамейку напротив заняли бедненькая старушка и хмурый, неопрятный мужчина. Они наверняка не имели друг к другу никакого отношения, а смотрелись родственниками – чувствовалось, что обоих жизнь крепко отвалтузила. Бабушка узловатыми пальцами крепко прижимала к животу кошелку, дабы никто не уволок. Неухоженный мужичок теребил в обветренных руках снятую с головы шапку. Ноль эмоций на лице и безвольность позы выдавали в нем тихого, латентного алкаша, который и на работе, и в койке – не большой удалец. Самое обидное, что такие клинические неудачники среди мужчин среднего возраста составляют большинство. Попробуй-ка устрой с ними личную жизнь!.. Фу, даже смотреть тягостно. Я перевела взгляд и оторопела: у сомкнутых створок выхода, отвернувшись к черному стеклу, стояло... мое наваждение, моя эротическая галлюцинация. Лучший из парней – Сережа Волков. Тот, кто блазнился мне повсюду с тех пор, как мы расстались. Когда это было? Кажется, лет пять прошло... С ума сойти, целая вечность!.. Представила, что поезд остановится, он выйдет и... И что дальше? Снова его потерять? Еще пять лет маяться с «разнообразными не теми»? Ну уж нет!

Я поспешно поднялась, приблизилась к материализованной галлюцинации, встала позади нее, вперившись в затылок. Выющиеся, креативно подстриженные волосы приглажены гелем. А раньше кудри были длинными и буйными, как заросли плюща. Ворот сорочки – белее ангельского крыла, крепкая спина обтянута добротным кашемировым пальто. И пахло от молодого человека едва уловимо и притягательно – туалетной водой с нотой благородной древесины типа сандала. Нет, вряд ли это Серега Волков! Уж слишком rispetably прикинут – как пассажир из салона бизнес-класса, готовый из самолета катапультироваться в руководящее кресло! Нет, мой Серый Волк был отвязным, безденежным шалопаем. К тому же его двойник носит очки. Я опять обозналась! Так жалко...

Состав замедлил бег перед остановкой. Качнулся, притормаживая, и сила инерции заваляла меня на импозантного господина, похожего на Сергея. Он чуть не ткнулся лбом в стекло и с неудовольствием обернулся. Сердитое выражение мгновенно сменилось удивлением, глаза округлились, сделались больше очков.

– О, Катрин, ты, что ли? Ни фиги се...

– Ой! Да... Сережка... Здравствуй!

– Привет...

Мы так давно не общались, что растерялись, не зная, как себя повести. Застыли истуканами, онемелыми соляными столбами. Поток пассажиров вынес нас на перрон. Волков зачем-то стал оправдываться:

– Сто лет метро не пользовался, а сегодня пришлось загнать машину на станцию техобслуживания, вот и спустился... как говорится, опустился ниже плинтуса.

– А я постоянно опускаюсь, ничего такого уж страшного, – пожала я плечами. – Подумаешь...

– Кать, а сейчас ты куда направляешься, если не секрет?

– Мне туда, налево. – Вообще-то мне нужно было проехать еще две станции, чтобы попасть домой, но я зачем-то махнула рукой в противоположном направлении. – В театр «Красный факел» решила сходить.

– Катька-а, какая ты стала-а, – восхищенно протянул окрутевший до неузнаваемости Волков и возложил ладони мне на плечи. Ага, разглядел, осознал, наконец, подлец, что потерял!

– Ты тоже изменился, Серенький.

– Надеюсь, к лучшему?

– Ну да: гламур, глянец, все такое... Стал старше, солидней.

– Так уж и солиднее? Нет, тебе кажется. Это, наверное, из-за очков. Стеклышки виноваты! Мартышка к старости слаба глазами стала, – рассеянно отшутился он. – Впрочем, не важно... Послушай, Катрин, может, тебе не обязательно тащиться в «Факел», да еще в красный? Чего ты там не видела, в театре?.. Может, ну его к бесу?

Он ненадолго умолк, изобретая альтернативный вариант, и не придумал ничего оригинального. Мужчины, если они не схимники и не жмоты, обычно увлекают дам приглашением «посидеть где-нибудь». Мой бывший любовник – точно не монах и не скупердай, за это могу поручиться. К тому же его явно подогревала мысль о том, что в отсутствие автомобиля не грех и накатить, что называется, залить за воротник. А я и так, без выпивки вела себя как та неприкаянная чудачка из песни «Напилася я пьяна, не дойти мне до дома...». Да уж, завела меня тропка дальняя... Довела до ручки! Пожалуй, даже если бы Серый никуда меня не пригласил, сама бы навязалась. Но когда мы вынырнули из подземки на вольный свет – на ослепительный вечерней иллюминацией Красный проспект, я погнала картину, – вздохнула, бросив печальный взор в сторону улицы Ленина – вроде как досадовала, что пропускаю встречу с прекрасным. Хотя никого прекраснее Сергея, клянусь, в жизни не встречала!

– Сладкая, пошли в «Патио-пиццу»? Или можем податься в «Иероглиф», закинуться суши. Ты как, Катрин, к японской кухне относишься? Нравится?

– В общем, да, но... – Я бы под пыткой не призналась, что не умею пользоваться палочками, да и в целом не мечтаю о сырой рыбе с рисом. Я, если что, мечтаю похудеть. И какой извращенец внедрил у нас моду на худышек и гадскую японскую кулинарию?.. Заявила: – Предпочитаю европейскую кухню.

– Лады, замечано – выбираем пиццерию. – Сережка взял меня под руку, переводя через Красный проспект на зеленый свет светофора, и тут в его кармане запиликал мобильный телефон. Разговаривая, он напрягся, скорчил досадливую мину, будто страдал от боли в печени: – Да!.. Нет!.. Я уже все сказал... Нет, не передумаю! Шли бы вы...

Он прижимал трубку к уху правой рукой, и я имела возможность заметить, что на безымянном пальце отсутствует обручальное кольцо. Мелочь, а приятно... Отключив мобильник, Волков подбросил его на ладони, словно прикидывая, сколько тот весит, и, нимало не колеблясь, метнул в урну. Попал точно в цель. Я в изумлении крикнула:

– Что ты делаешь?! Зачем?!

– Не грузись, Катрин. Не хочу, чтобы всякие моральные уроды отвлекали меня от общения с очаровательной девушкой, – подмигнул этот дьявольски обаятельный подхалим, распахивая передо мной дверь в «Патио-пиццу» и пропуская вперед. – Прощу, моя радость!

О, кто-кто, а Серж горазд на широкие жесты! Мужскому населению сибирской столицы – нашим вялым, серым валенкам и кроличьим шапкам – определенно есть чему у него поучиться.

На первом этаже пиццерии треникали на струнных музыканты, гоняли шары бильярдисты. Сразу трое игроков, ожидавшие очереди к столу под зеленым сукном, поздоровались с Волковым. Похоже, он был здесь таким же своим среди своих, завсегдатаем, как я среди пассажиров метро... Мы поднялись по лестнице, и мне показалось, что все присутствующие девицы с преувеличенным вниманием выпучились на Сережку. Убила бы нахалок!.. И молоденькая

официантка кинулась к моему спутнику со всех ног, как только не споткнулась от преувеличенной расторопности.

– Ой, кто к нам пришел! Сергей Владимирович, рада видеть. Как вы? Как дела? – расплылась она в улыбке, одергивая белую маечку униформы, под которую забыла нацепить лифчик. Впрочем, грудь была столь мала, что в поддержке бюстгальтера и не нуждалась.

– Все супер!

Да уж, нелегко иметь красивого кавалера, доложу я вам. Можно сбрендить от ревности, от перманентной угрозы угона... Потому что у этих молодых девчонок гордости – ноль целых, ноль десятых, сами на шею вешаются... Но Сережа ни на кого, кроме меня, не обращал внимания, словно все вокруг были неодушевленными предметами. Мы заняли столик рядом с перилами балюстрады – местечко вполне уединенное и в то же время предоставляющее широту обзора.

– Советую вам заказать лазанью, у нас сегодня Федор готовит, пальчики оближете, – пританцовывала перед моим Волковым плоскодонка в белой майке. Руководствуясь своей ботанической классификацией, я отнесла ее к семейству репейников.

– Не хочу лазанью, хочу салат-бар, – безапелляционно заявила я, лишь бы что-то сказать наперекор ей.

– Точно! Я тоже буду салат-бар, – поддержал меня Серенький. – Остальное, если что, закажем позже, по ходу пьесы.

– А пить? Чего желаете выпить? – Надоеда принялась цитировать по памяти карту вин.

– Нет-нет, предпочитаю светлое пиво, – перебила я.

– Короче, Наташка, тащи кувшин «Гессера», – послал ее Серега и, обернувшись к вешалке, погладил мою лиловую шубку. – Ты все еще носишь ее, Катрин... Я часто вспоминал...

Непосвященный мог бы воспринять его заявление буквально – будто Волков часто вспоминал мою шубу. Обхохочешься! Станет ли нормальный, здоровый парень вспоминать про жалкие кусочки норки? Нет, конечно. Он имел в виду, что помнит, как я их купила с его подачи в знойной Греции, заваленной мехами не слабее, чем морозный Новосибирск снегом. Это сейчас вектор пушного шопинга переместился в Китай, а тогда, пять лет назад, съездить в колыбель цивилизации и не привезти оттуда шубу считалось чем-то вроде симптома идиотии. Греки утверждали, что торгуют канадскими мехами, которые вроде как всем мехам меха, круче не бывает. На самом деле полный отстой, в чем я убедилась на опыте носки. Впрочем, если бы от качества верхней одежды зависело качество жизни, я бы давно сменила шубку, но... Вы же понимаете, что быть хорошо одетой и быть счастливой – разные вещи.

Я была очень счастлива, отдыхая в маленьком курортном городке Лутраки, припертом горами к берегам сразу двух морей – Ионического и Эгейского. Неугомонные аргонавты под предводительством Ясона задолго до нашей эры соединили их воды Коринфским каналом, выдолбленным в высоченных, монолитных отвесных скалах, и отправились за золотым руном. Титанический труд! Проплывая через канал на экскурсионном корабле, декорированном под старинное судно с полотняными парусами, я недоумевала – зачем аргонавтам понадобилось руно? Я бы на их месте добра от добра не искала, в Лутраках и так все есть, настоящий земной рай... Стоял дивный август – ароматный и сладкий, как переспелые персики, которыми я объедалась. Море прогрелось настолько, что из воды не хотелось вылезать. В парке рядом с моим отелем днем и ночью били источники минеральной воды, приглашая заботиться о здоровье. Набережная по вечерам звенела цикадами, гитарами и скрипками, тосковавшими об утраченной любви. Здоровье я берегла, а вот лирикой голову не забивала. Ездила то в археологический музей, то в Эпидаврус, где отлично сохранился крупнейший амфитеатр, в котором под открытым небом разыгрывались трагедии Софокла и Еврипида. Мифы и легенды Древней Греции словно оживали перед глазами; я почтительно трогала камни на развалинах, чувствуя,

что прикасаюсь к вечности. А вот на пляже только и слышалось жужжание соотечественниц, наперебой делившихся рассказами об удачных покупках. Я была, что называется, не в теме, о покупке манто сначала и не помышляла, ведь на тридцатипятиградусной жаре не придумать вещи менее актуальной. Про себя насмеялась над меркантильными тетками и напевала: «Ну а твои подруги, Зин, все вяжут шапочки для зим, от ихних скучных образин дуреешь, Зин!» Но как-то постепенно вирус шубной лихорадки проник в сознание, поднял меня с лежака и понес в Афины.

Помню, битых два часа угорала в автобусе, потом угорала, плутая по сизой от зноя, бензиновых испарений и пыли столице Греции. Не представляю, как там выживают аборигены? Дышать абсолютно нечем!.. На центральной площади Омония, что по-русски означает Соглашения, меня сшиб с ног обдолбанный наркоман. Разумеется, сделал это не нарочно, просто ничего перед собой не видел пустыми зенками. Я шмякнулась на грязный асфальт и расшибла локоть – боль была настолько чудовищной, что печатными словами не передать. Чуть сама не ослепла! А когда прозрела, убедилась, что тротуар вокруг этой паршивой площади забросан шприцами и окурками, к тому же густо заплеван немытыми и нечесаными, одичавшими личностями. И жутко, и грустно сделалось: в какую помойку выродилась древняя цивилизация!.. Встала, отряхнулась и в самом гнусном настроении потопала назад к автостанции. Так, на всякий случай заглянула в первый попавшийся меховой салон, хотя желание примерять шкуры дохлых крыс к тому моменту совершенно иссякло, но в магазинчике было чисто, пусто и прохладно, да и хозяин оказался – сама доброта. Предложил мне «Метаксы», а я предпочла колу. Уселась, с кайфом вытянув усталые ноги, жадно присосалась к ледяной баночке и... Увидела Сережку и шубу! Это произошло одновременно, будто сама судьба вознаградила меня двойным везением за разбитый локоть и тепловой удар.

Парень появился откуда-то из-за кронштейнов, откинул назад упавшие на лицо спутанные кудри и подмигнул мне. Он держал плечики с шубкой необычной лиловой расцветки и оглядывался, куда бы ее пристроить. Понравился мне сразу до изнеможения! Ну и шубка тоже понравилась...

– Откуда вы приехали? – спросил меховщик.

На миг я позабыла, кто я и откуда. Смотрела на него бессмысленно, как овца:

– А? Что?

Он повторил вопрос, и, когда я ответила, кудрявый парень обрадованно вскинул брови:

– О, землячка! Я тоже из Новосибирска, – и протянул ладонь для рукопожатия. – Давай знакомиться. Меня зовут Сергей.

Он походил на актера Антонио Бандераса, но был намного лучше, выше ростом, красивее. Майка-боксерка обнажала мускулистые плечи и сильные, развитые руки, похожие на передние конечности гориллы. Потертые джинсы ладно обхватывали узкие бедра. А главная прелесть содержалась в выражении карих глаз – веселых, лукавых, обольстительных... Мне захотелось до него дотронуться, потому попросила примерить шубу. Серега, накинув лиловую норку, словно невзначай приобнял мои плечи, а хозяин заведения зацокал языком:

– Нца-ца, супер! Супердевочка.

– Да, очень классно, – подтвердил Бандерас.

Поторговаться, как учили многоопытные кумушки на пляже, я не сумела, вернее, вообще забыла о такой возможности. Отвернувшись к стене, достала из бюстгальтера скрученную рулончиком валюту и рассчиталась сполна. Пока земляк упаковывал мою покупку, грек наполнил рюмки «Метаксой». Других посетителей в салоне не было, и мы обмывали обновку долго и упорно, наверное, целый час. Сергей рассказал, что приехал в Грецию три месяца назад с десятью евро в кармане, автостопом пересек всю страну, подрабатывая чем придется – и апельсины собирал, и малярным делом занимался. Меховщик время от времени приставал с предложениями купить еще что-нибудь, демонстрировал то енота, то бобра, то каракуля, а я разводила

руками: «Денег нет. Кончились», и он потерял ко мне интерес, спрятал бутылку с бренди. Пора было уходить, а я все не могла насмотреться на Сережку. Волевым усилием отодвинула пустую рюмку, встала, и догадливый парень схватился за пакет с шубой:

– Катрин, я провожу тебя в отель.

– Долго провожать придется – за сто километров. Я в Лутраках живу.

– Ну, хотя бы до автостанции доведу. – Он посмотрел так, словно признался: «Умираю, как хочу тебя!» Чуть не обуглил пламенным взглядом! И увел из царства убитых зверей, обнимая за талию. В ожидании автобуса мы самозабвенно целовались. А когда эта газовая камера на колесах прибыла, Сережка следом за мной запрыгнул на подножку. Наверное, ему было без разницы, где оттягиваться, но я верила, что он влюбился с первого взгляда. В ту же ночь мы стали любовниками...

– Вспоминал, говоришь? – Я иронично прищурилась, возвращаясь к реальности. – Отчего же так резко смылся? Да еще Кастанеду прихватил, а я, между прочим, ту книгу сама дочитать не успела.

– Какого Кастанеду? Ты, Катрин, меня с кем-то путаешь. – Серый изобразил оскорбленную невинность. – Нет, девочка моя, я мог взять разве что Камасутру.

– Не смейся, Камасутру нормальные люди успевают изучить в средней школе, в период полового созревания.

Мое высказывание заинтриговало официантку, подоспевшую с бокалами и тарелками. Она поделилась мнением, что сексом надо заниматься, а не читать о нем. Можно подумать, ее кто-то спрашивал. Мы с Сережкой направились к стойке с салатами, где мой отличник по курсу постельных наук простонал:

– Селедка под шубой, обожаю!

– Как тебя легко ублажить, – усмехнулась я и сглотнула голодную слюну. Разум подсказывал, что нужно подсчитать калории прежде, чем метать снесь на блюдо. С тех пор как я рассталась с законным мужем, лишившись источника постоянных стрессов, талия и бедра поплыли вширь, вышли из берегов старых юбок и брюк. Если продолжать в том же духе, рискую догнать и перегнать гиппопотама! Но перед искушением едой я не устояла точно так же, как в свое время перед Волковым. Тарелку нагрозила с горкой, обильно полила соусом и посыпала измельченным грецким орехом. Мой спутник отсутствием аппетита тоже не страдал, однако пиво в кувшине иссякло раньше, чем мы наелись.

– Давай, душа моя, вмажем водки за встречу! – вошел в раж Серенький.

Он не спускал с меня глаз, подернутых нескрываемым вожделением, от высокой температуры взгляда, кажется, даже линзы в его очках запотели. Что уж говорить обо мне? Естественно, занялась жаром, и этот внутренний огонь спалил дотла застарелые обиды и комплексы, отправил в тартарары пятилетку разлуки. От желания в горле пересохло, и, сглотив ком, я выдавила из себя:

– Похмелье будет страшным...

Эх, кого волнует завтрашнее похмелье, когда алкоголь и страсть уже торкнули в мозги?.. Сережка призывно махнул официантке и, придвинувшись ко мне, положил под столom руку между моих коленей:

– Катрин, сокровище мое, ты по-прежнему живешь с родителями?

– Нет, сейчас живу с Азизом, – поддразнила я.

То ли от удивления, то ли от гнева он оставил в покое мои ноги, сурово нахмурил брови, отчего очки сползли с переносицы.

– Что еще за Азиз? Таджики со стройки?

– А что ты имеешь против таджиков? – Иногда мне удается выступать в образе завзятой интриганки. Поставив руку на локоть, устроила лицо в лодочке ладошки и невинно захлопала

фиолетовыми ресницами. Сережкина ревность служила мне лучшим комплиментом. Поделом ему! Не одной же мне страдать пять лет подряд?..

Подбежала официантка, возрадовалась, что клиент созрел до водки, посоветовала взять «Журавлей». Серега продолжал сердито сопеть, и я не выдержала, раскололась, сообщив, что Азиз не мужчина, а экзотический попугай неопикуемой красы и невероятных размеров. На столе возникла запотевшая бутылка с узким горлышком, и Волков приготовился к возлияниям – ослабил узел галстука, расстегнул верхнюю пуговичку рубашки, после поднял наполненную рюмку:

– Ну ладно, если попугай, то прощаю. Махнем на мировую!

Вторую рюмку мы скрепили поцелуем, ради которого пришлось тянуться губами друг к другу через стол. Так увлеклись, что моя грудь оказалась в тарелке, джемпер испачкался майонезом. Серенький промокнул пятно салфеткой и переместил свой стул почти вплотную к моему, чтобы было удобнее гладить под столом мои ноги. Оглядевшись с запоздалой стыдливостью, я убедилась, что во всей «Патио-пицце» другой такой парочки наглых развратников не имелось. Волков интимно нашептывал: «Катюшка, солнце, давай свалим отсюда? Хочу поскорей снять с тебя все-все...» Его очки балансировали уже на кончике носа. Поправив их, я выдержала паузу, изобразила глубокую задумчивость. Сидела, накручивая на палец прядь волос, хотя хотелось со всех ног бежать в койку. Он не отступал:

– Катрин, не упрямься. Раз ты живешь одна, поехали к тебе, а?

– Не одна, а с Азизом, – пьяно настырничала я.

– Сергей Владимирович, вас кто-то по телефону разыскивает. Подойдете к трубочке или включите свой мобильник? – встряла репейная колючка.

– Посылай всех на... – Сережка споткнулся, сдерживая ругательство, и помрачнел. Велел официантке ответить, что он уехал.

Она почему-то пропустила просьбу мимо ушей, прямо приклеилась к нашему столу. Разлила водку по рюмкам и предложила:

– Может, все же горячего принести? Лазанью покушать не надумали? Хотите, я вам тарелочки поменяю?

– Счет принеси и катись колбаской, – утратил вежливость мой спутник. Самое досадное, что и любовный пыл его как бы угас – на меня не смотрел, откинулся на спинку стула и отрешенно ковырял во рту зубочисткой.

– Что-то случилось? – не выдержала я.

– А? – Он вздрогнул, качнул головой и пришел в себя, снова стал прежним обольстителем. Подмигнул мне: – Ну так как, Катрин, приглашаешь меня в гости? Э-эй, солнце Пелопоннеса, оливка Южной Греции, сдавайся!

– Сам ты оливка, – буркнула я, вспоминая, как в таверне этого самого Пелопоннеса, пропахшей рыбьим жиром и кислым молодым вином, Серый Волк кормил меня маслинами – брал черную ягоду и клал мне в рот, будто маленькой. Я целовала его солоноватые пальцы, сплевывала косточки и просила: «Еще!» Я часто просила у него добавки – во всем. Солнце Южной Греции очень способствует ненасытности, тяге к излишествам... Улыбнулась Сережке: – Да сдаюсь я, сдаюсь! Сейчас поедем, только сначала навещу дабл.

В дамской комнате я убедилась, насколько крепко набралась: кафельные плитки казались кривыми, закручивались подобно ленте Мебиуса. И мое отражение в зеркале уплывало за горизонт, двоилось. Проклятая водка! Из-за нее баллончик с блеском для губ выпрыгивает из рук, точно резвый луговой кузнечик. Опля! Укатился под раковину... Ну и пусть. Зачем мне блеск? Все равно Серенький его мигом слижет.

Вновь обретенный любовник сидел за стойкой бара в обнимку с моей лиловой норкой и беседовал с каким-то хмырем. Увидев меня, вскочил и проявил незаурядное терпение, помогая

попасть в рукава шубы. А потом прижал к себе, как тогда, на автостанции в Афинах, и от сладких предвкушений меня закачало, заштормило.

– Не желаете вызвать такси? – Хмырь, который, наверное, был администратором, взялся за телефон.

– Не-а, не желаем. Нам некогда ждать, – рассудил Волков и взялся за дверную ручку. – Чао!

Мы вышли на проспект, накрытый метелью. Под ноги бросилась поземка, порыв ветра распахнул шубу, охладил разгоряченное лицо и шею. Сережкины кудри тотчас облепила белая мошкара – он не носил головного убора. Я потянулась, чтобы смахнуть снег с его волос, и открыла рот, желая выразить, как рада, что мы снова нашли друг друга. Не успела... В ту же секунду возлюбленный резким толчком опрокинул меня на землю и навалился сверху, заорав:

– Лежать! Не шевелись!

Я была крайне возмущена – все же асфальт, покрытый бугристой ледяной коркой, отнюдь не пуховая перина. Скорее кухонная терка – я пробороздила ее непосредственно щекой. Алкоголь смикшировал остроту ощущений, но все равно было очень больно. И главное – не вырваться – Серега крепко-накрепко прижимал меня за шею к тротуару. Ужасно обидно: сначала целует, потом кидает!.. И тут прямо над головой оглушительно засвистел хор взбесившихся цикад. Не веря собственному слуху, я изо всех сил вывернула шею и увидела, что из приоткрытого окна черного джипа, едущего на замедленной скорости, нас поливает автоматная очередь – хлесткая, как град.

Зазвенели осколки витрины, во все стороны полетели ошметки штукатурки. Стреляная гильза, срикошетировавшая от металлической урны, упала непосредственно перед моим носом. Я дико завизжала и зажмурилась, уже добровольно вжимаясь в наледь.

Благим матом орала не только я, но и другие прохожие, тоже вынужденные попадать. А смертоносный стрекот, захлебнувшись, стих, и джип умчался, вздымая снежную пыль мощными колесами.

– Бежим, – скомандовал Волков и рывком поднял меня.

– А куда?

От сильнейшего испуга я протрезвела и окостенела, ноги ощущались как плохо пригнанные протезы, а уж мыслительные функции и вовсе отключились. Сергей тащил меня волоком, рыча:

– Скорее! Да шевелись же, твою мать!

– Сер-р-реж-жжа...

– Что?

– Т-ты оч-чки пот-терял, – заикалась я.

Он и не подумал тратить время на поиски слетевших окуляров. Вцепившись в меня крепче, чем солдат в полковое знамя, поволок к дому с аптекой. Мы юркнули за угол, в освещенный двор и, петляя подобно загнанным зайцам, дунули в глубь квартала.

– Ч-что это б-было? В к-кого с-с-стреляли? – Мне все еще мерещился душ автоматной очереди, и сердце обрывалось от страха.

Серый Волк мчался, зло сжав губы, и тянул меня вперед. Ему-то, поджарому, легко бегать, а каково мне с лишним весом, на костяных ногах, с душой в пятках?! Напрасно мы метались, озираясь, куда бы спрятаться, – подъезды повсеместно запечатаны массивными железными дверями с домофонами и кодовыми замками, ни щелочки, ни малейшей лазейки. Между тем силы мои совсем иссякли. Повалилась в сугроб, точно куль, и Сережку увлекла за собой.

– Ну скажи, кто стрелял? В кого? За что? – тряслась я, более не справляясь с истерикой, инстинктивно хватая его за отвороты шикарного кашемирового пальто.

– Тихо! – Он зажал мне рот, прислушиваясь.

Я тоже обратилась в слух, но уловила только собственное загнанное, сбившееся дыхание и уханье сердца. И вдруг... зловещий рокот автомобильного мотора. Сомнений не оставалось: кровожадный джип догонял нас! Я взвыла, прощаясь с жизнью: «У-а-ау!»

– Бежим! – опять велел мой погубитель.

А куда бежать? Некуда... Попробовали вжаться в стену дома с выступами полуколонн на фронте и убедились, что они и последнего доходягу скрыть не смогут. Обогнув здание, мы обнаружили яму возле подвального окна. Спрыгнув в нее, Серега поднял вверх руки, помогая мне спуститься. Машина прошелестела совсем близко, и я присела на корточки, а он, наоборот, приподнялся на цыпочки, выглядывая из ниши. Рассмеялся:

– Трусиха, отбой! Ложная тревога, это не они.

Выбраться из укрытия оказалось гораздо труднее, чем в него угодить. Я испачкалась, порвала колготки, расцарапала ладонь и вообще чувствовала себя отвратительно. А Серый Волк, наоборот, начал вполне оптимистично насвистывать. Приобнял меня, направляя к трассе, к Вокзальной магистрали, где поднял руку, голосуя:

– Говори адрес, Катрин.

– Какой адрес?

– Твой. Куда нам ехать?

– Нам? – переспросила я, потому что встреча с бывшим любовником перестала казаться радужно-прекрасной. Больше не хотелось ни секса, ни кекса. Лучше уж спать в гордом одиночестве, чем так рисковать...

– Ну а кому? Не им же?! Все-таки как клево, старуха, что ты мне подвернулась. Тебя же никто – ни одна собака! – не знает. Нас вместе никогда не видели, – повеселел Волчище, сверкая карими, опасными, галлюциногенными глазищами. – Эй, очнись, что ты как замороженная треска? Адрес, живо!

Возмутительная бесцеремонность! В одном он прав – нас вместе никогда не видели. Вот и отлично. Вот пусть и дальше не увидят. Хватит с меня приключений со стрельбой и спасением бегством!.. Я сделала шаг в сторону, но Серега тотчас поймал за шиворот и встряхнул, повторив свой вопрос. Мама недаром считает, что моя основная проблема состоит в неумении отказывать людям, почему-то мне всегда трудно бывает произнести коротенькое слово «нет». Вот и теперь понуро проямлила:

– М-метро «Гагаринская». Там недалеко от супермаркета, пешком можно дойти...

Серега затормозил первую попавшуюся машину – занюханные «жигули» оранжевого цвета с проплешинами ржавчины на капоте – и со смешком сообщил, что именно от этой развалюхи мы прятались в подвальной яме. За рулем сидел пожилой дядечка, которому приглянулась протянутая пятисотрублевая купюра – втрое больше чем достаточно, он довез нас на своей скрипучей развалюхе до супермаркета, всю дорогу с любопытством озирая в зеркале над ветровым стеклом. Наверное, удивлялся, почему мы поцарапанные и перепачканные. Я поминутно оглядывалась. Все еще мерещилась погоня. Черных джипов на трассе – как грязи. Вернее, как снега. Что же теперь, постоянно бояться?.. Ужасно. Зачем я опять связалась с Волковым, с героем давно забытого, быльем поросшего романа? Лучше бы в том вагоне метро познакомилась с неудачником, уныло теребившим шапку! В конце концов, все мы немножко неудачники... Теперь же я ощущала себя Серegiной пленницей, заложницей, которую никто и не собирается спасать.

Глава 2

– Дур-ра! Дур-р-ра! – разорвался Азиз, энергично хлопая крыльями, отчего из клетки клубами летели сор, пух и перья.

Я не спорила: разумеется, дура! Разве умная притащит в свой дом – свою крепость – человека, по которому киллеры шмаляют из автоматов?.. Впрочем, моему попугаю неведомы другие слова, кроме «дура», «жрать» и «атас». Бывший муж постарался – привил пернатому такой лаконично-дебильный лексикон. Мне же заниматься развитием его речи было недосуг.

– Вот наглая тварь, – заметил Сергей. – Сам дурак дураком, а туда же, залупается!

– Нет, он умный, просто голодный и соскучился, – оправдала я птицу.

– Дур-ра, дур-р-р, – проворчал Азиз уже смиреннее, на полтона тише.

Я скинула шубку, бросила ее на пуфик в прихожей и проследовала в кухню к холодильнику: итак, что мы имеем? Кусочек сыра, подернутого белесой плесенью, огрызок окаменевшей от старости сырокопченой колбаски – нет, этими объедками моего попугая не прельстишь! Он любит фрукты, особенно бананы, яблоки и гранаты, а еще орешки. Но не тащиться же в магазин в первом часу ночи?.. О, в контейнере завалялся лимончик. Я нарезала его толстыми ломтями, один из которых протянула Азизу: «Кушай, моя деточка!» Пернатый взял цитрус лапой, поднес к крючковатому клюву и зачавкал.

– Ничего себе наяривает, только шум стоит! И не поморщится, – поразился Сергей.

– А ты думал?! – Я не без гордости оглядела попугая, габаритами догнавшего бройлерного цыпленка. Оперение у него блекло-зеленое, похожее на листву эвкалиптов, а шейку украшает ярко-красное ожерелье. Диво дивное, а не птица!

– Больно надо о всякой ерунде думать, – хмыкнул греческий смоковник и опустился в кресло, вытянув ноги в черных штиблетах до середины комнаты. Между прочим, мог бы предварительно разуться в коридоре. У меня же тут не гостиница, самой приходится пол мыть...

Сергея прикрыл глаза, судя по всему, совсем спекся, но Азиз не дал ему покоя, словно в отместку за отказ восхищаться его неоспоримыми достоинствами. Покончив с лимоном, мой птенчик взялся неистово грассировать:

– Жрать! Жр-р-рать!

Гость аж вздрогнул и заявил:

– Твоему проглоту лишь бы жрать, а я бы не отказался выпить.

– Угу, а то что-то давненько мы не выпивали! Так и вкус водки впору позабыть, – сыронизировала я и спросила напрямик: – Скажи, какие у тебя планы? Ты намерен поселиться у меня?

– Как получится... Слушай, Катрин, давай дернем? Я устал как сволочь.

– Дергай, если неймется, но без меня. Лично я собираюсь принять ванну и лечь спать. Мне к девяти утра на работу. К тому же спиртного дома не держу.

Я напрасно сотрясала воздух, говорила будто в пустоту – Волкову было поровну, на службу мне или еще куда. Достав бумажник, он сосредоточенно пересчитывал наличные – в наслонявленных пальцах промелькнула могучая кучка купюр, какую мне не заработать, наверное, и за год. А Серега, очевидно, остался недоволен суммой. Задумчиво почесал переносицу, потянулся к радиотелефону и резко отдернул руку, будто «панасоник» его укусил:

– Я – последний остолоп! Тачку бросил, скрылся в метро, а мобильник с собой таскал. Надо было сразу же выбросить, они меня через спутниковую связь и запеленговали! Во лоханулся... – Сергей прямо шипел от ярости, сжимая кулаки, играл желваками.

– Кто – они? Может, ты соизволишь наконец объяснить, что у тебя происходит? – завелась я. – Корчит из себя Джеймса Бонда!

Он о чем-то напряженно думал и выглядел при этом потерянным, потому мне за проявленный сарказм стало стыдно. Присев на подлокотник кресла рядом с Сереньким, пискнула:

– Что же теперь будет?

– Ух-х, что же будет с родиной и с нами?! – спел он, как Юрий Шевчук. Увильнул от конкретного ответа.

– Ты прав, любимый, надо выпить, – смирилась я. Нелегко быть девушкой Джеймса Бонда, а куда деваться? Приходится соответствовать. Достала из шкафа бутылку мартини, уцелевшую после дня рождения, и треугольные фужеры. – Тебе со льдом? Извини, оливок нет, и лимона не осталось.

– Да это как раз не имеет значения. – Сережка потрянул головой, разгоняя морок мрачных мыслей.

Белый итальянский вермут мы употребили как-то бездарно, не смакуя, будто дешевый портвешок, которым догоняются алкаши в подворотнях. Он со мной не чокнулся, слова доброго не сказал – сидел с непроницаемым лицом. И я отплатила той же монетой – демонстративно отставила недопитый бокал и, перекинув через плечо полотенце, отправилась в ванную. Тут Волков и спохватился:

– Примешь меня, Катрин, в команду по водному поло?

Ванная в моей квартире не самая просторная, в ней одной-то тесно, поэтому мы раздевались, соприкасаясь то боками, то спинами, как два медведя из песенки «Где-то на белом свете, там, где всегда мороз», только терлись не о земную ось, а друг о друга. Впрочем, может быть, земная ось пролегает именно там, где соприкасаются мужчина и женщина?.. Закидав одеждой стиральную машину и свободный пятачок пола, обнялись, и все наши недомолвки и разногласия исчезли, растворились подобно кристалликам соли в воде. У маленькой ванны есть большое преимущество – сидеть в ней можно, лишь обнявшись, скрестив согнутые в коленях ноги... Серенький бережно намыливал меня мягкой губкой, пропитанной гелем, и поливал из душа, стараясь не замочить волосы, – однозначно из него получился бы замечательный отец: ласковый, заботливый. Я совсем разнежилась и капризно пискнула, когда пена попала на расцарапанную щеку, а он всячески жалел, дул на боевую рану, приговаривая: «У кошки боли, у собаки боли, а у Катринки заживи».

Как-то незаметно мы начали целоваться. Казалось, время покатилося вспять, будто волшебное наливное яблочко по тарелочке, и вернуло нас в греческий август. Мне, закрывшей глаза, хлопанье теплой соленой воды напомнило морской берег, к тому же хмель гулял в голове точно так же, как тогда. И, как тогда, Сережа устроил мои ступни на своих плечах, провел губами по щиколотке...

– О-о-о, – простонала я.

– Дур-ра! Дур-р-р!!! – заорал Азиз в самый неподходящий момент. Его очумелый крик был не менее неожиданным, чем выстрелы. Разве что менее опасным.

Серенький сбросил мои ноги и недовольно поморщился:

– Чего ему опять не хватает?!

– Свободы... Ему летать охота, а клетка заперта.

– Ничего, перебьется с полетами. Тоже мне летчик нашелся!

– Дур-ра. – Попугай вкрадчиво, но настойчиво дал понять, что не успокоится, будет качать права до победного финала.

– На фиг ты вообще его завела?

– Я не заводила!.. Я хотела ребенка, а муж привез из Индии попугая и сказал: «Нянчись, воспитывай на здоровье».

– Дур-ра, атас! – Гнев Азиза нарастал – воспроизведя все известные ему русские слова, он принялся ругаться на непонятном языке – то ли на хинди, то ли на урду.

– Так у тебя не только попугай, но и муж придурок, – заключил Серега. – Кстати, где он? Не припрется ненароком?

– Не должен. Мы с Валеркой еще в позапрошлом году развелись, а пока квартиру разменивали, окончательно переругались...

Я нехотя вылезла из воды и накинула на мокрое тело махровый халат. Если Азиза не выпустить, всех соседей перебудит. Отодвинула задвижку на дверце клетки и посторонилась, чтобы своенравный пернатый не сшиб ненароком: он всегда слишком бурно вырывается из заточения, летит не разбирая пути. Вот и сейчас резко взлетел вверх и, стукнувшись о потолок, столь же резко спланировал вниз, на спинку кресла. Сам не знал, чего хотел. И я ощущала себя примерно так же.

Волков не долго мокнул в одиночку, появился из ванной в полотенце, обернутом вокруг бедер, и опять покатил бочку на моего питомца:

– Избаловала ты рябчика, Катрин.

– Ошибаешься, Серж, этот рябчик по натуре строптивый, а натуру не переделаешь. Я обязана создавать ему условия... Не забывай, он же из Индии и не виноват, что его сюда привезли.

– Ага, загадочная индийская душа!.. Да сдай ты его в зоопарк к такой-то матери. – Не знаю, кто придумал к святому слову «мать» добавлять нецензурное прилагательное? По-моему, звучит возмутительно. А Серый считал иначе и по поводу выражений, и по поводу содержания редких птиц в домашних условиях: – Но лично я бы даже насчет зоопарка напрягаться не стал. Открыл бы форточку и вышвырнул его вон. Нет попугая – нет проблемы!.. Ты как, Катрин?

– Что «как»?

– Как смотришь на мое предложение? Готова попку вышвырнуть, а меня взять?

– Сережа, не ожидала от тебя таких живодерских наклонностей, – мямлила я, имитируя укоризну, и отводила глаза, чтобы не наткнуться на божественный, мускулистый торс Волкова. – Как же можно в форточку? Азиз – существо нежное, теплолюбивое...

Я пятилась от гостя, борясь с искушением, а он крался навстречу, игриво воркуя:

– Ах, ах, ах, нам птичку жалко. Чем же это я хуже птички?

– Ты не хуже, но... – Какое там хуже? Несравнимо лучше! Однозначно за прошедшие годы возмужавший Серега стал еще притягательнее.

– Так лети же ко мне, моя перепелочка, моя Катринка-картинка...

Он сбросил набедренную повязку и, ухватив кончик пояса моего банного халата, потянул его на себя, развязывая. Просунул руку под полу и стал медленно поглаживать ягодицу. Его пальцы неотвратимо приближались к лону, главный мускул взорлил, налившись силой, и я затрепетала, изнывая от желания...

Впоследствии, анализируя тот поворотный момент наших отношений, точнее, моего наступления на те же грабли, я нашла себе оправдание: одиночество делает женщину слабой, уязвимой. Это в долгом замужестве монотонное исполнение супружеских обязанностей успевает опостылеть, как черствый хлеб повседневности, как наискучнейшая обыденность. Для меня же мужские ласки сделались чем-то недоступным, как, например, шоколад или пирожное с взбитыми сливками для растолстевшего сладкоежки, которого посадили на диету. Он не настолько голоден, чтобы есть что попало – заниматься сексом с первыми встречаемыми, к тому же уверен, что получит удовольствие именно от шоколада и сливок. Вот и я решила стать эпикурейкой, убедившись, что способна получать наслаждение только от близости с Серегой. Истомившаяся по деликатесам плоть швырнула меня на его грудь, мы слились в поцелуе – обжигающе крепком, как «Метакса», и страсть вихревым потоком поволокла нас далеко-далеко, куда-то туда, где кончается разум, а вместе с ним стыд и честь. Барахталась подобно бумажному кораблику во власти бурлящего весеннего ручья, подкидываемая то вверх, то вниз, пока не достигла потери сознания...

Открыв глаза, увидела над собой его волглый от испарины, слегка раздвоенный подбородок. Он выгнул шею, качнувшись на вытянутых руках, откатился в сторону и в изнеможении распластался по тахте. Я уткнулась лицом в мокрую, волосатую подмышку, тесно прижалась к его боку, желая продлить блаженство, и вслушивалась в шумное дыхание любовника.

Азиз парил над нами орлом, высматривающим добычу. Хлопнув крыльями, потерял перышко – оно плавно опустилось на вздымающуюся грудь Сережки. Подумаешь, птичье перо! Это же не гиря, не подкованное лошадиное копыто. Невесомое, щекотное касание даже приятно. Но Волкову так не показалось, он нервно вскинулся:

– Нет, я эту падлу сейчас точно за окошко отправлю! Замороженную курицу из него сделаю!

Разрушил прелесть умиротворения – мою томность как рукой сняло. А уж об Азизе говорить нечего, он метался, выкрикивая смачные, невразумительные проклятия. Наверное, в переводе с языка его родных эвкалиптов они означали нечто вроде: «Не прелюбодействуйте, греховодники!» Но кто бы еще слушался попугаев?!

– Огрызается, каракатица. Поди-ка, ревнует тебя? – хмыкнул Серый.

– Да вот ревнует, а еще злится, недоумевает – как ты мог меня оставить? – отозвалась я вопросом, который мучил меня долгих пять лет. В носу засвербело. – Разве нам было плохо вместе? Почему ты так поступил?

– Почему-почему...

Серый Волк повернулся ко мне широкой голой спиной, сел, спустив босые ноги с тахты. Я затаила дух в ожидании объяснений, которые могли бы утешить уязвленное самолюбие, а может, и изменить наше будущее. Но он не спешил отвечать, в задумчивости почесал затылок, повел плечами, разминаясь.

– Так почему?!

– Потому, что Лялька забеременела, – ошарашил меня он.

– Какая еще Лялька?

– Моя жена... Так шибко любила, аж двоих детей родила!

– У тебя двое детей? – задохнулась я.

Лялька... Откуда она взялась, когда успела?!.. Какая-то Лялька... Выходит, Сергей женат, а я-то, наивная, обольщалась отсутствием обручального кольца на безымянном пальце... Мой Валерий тоже ходил окольцованным всего несколько дней после свадьбы. А потом бросил два грамма золота на доньшко хрустальной салатницы, стоявшей в стенке, и оно благополучно пылилось там в течение всей нашей непродолжительной, незадавшейся совместной жизни. Развод экс-супружник ознаменовал тем, что сбыл символ верности одному из барыг, которые толкуются возле метро с картонками на пузе: «Куплю золото, серебро. Дорого». Какое там дорого? Смешно! Ничто не стоит дешевле ненужного обручального кольца... Мне стало настолько смешно, что всхлипнула. Выходит, неизвестная профурсетка сильно любила Волкова, а я – слабо? Да он мне блазил даже в те короткие минуты, когда отдавалась Валерке. Специально закрывала глаза, представляя его, чтобы не так противно было... Признаться, я и замуж выскочила в надежде забыть Серого Волка. Вышибить клин клином.

Да, верно, клин выбрала неподходящий, неравноценный... А неведомая Лялька не сплеховала – родила двоих!.. Это мне вместо ребеночка подсунили бесполезного, крикливого попугая... Чудовищная несправедливость! Порывисто развернув изменника к себе лицом, выпалила:

– Я тебя тоже сильно любила! И тоже хотела родить!

– Ты что, тоже ждала от меня ребенка, Катрин?

– Нет, но я тоже могла бы...

– О, ты плачешь, – огорчился он. – Да перестань, ну-у... Мы так не договаривались. Я считал тебя сильной, независимой... Хватит, Кэт, уймись, иди ко мне, моя девочка.

Он хотел обнять меня, но я сопротивлялась – не нуждаюсь в объятиях чужого мужа!.. Схватила крепдешиновую шаль с кистями, которой на ночь укрываю клетку, и высморкалась, а слезы все равно текли и текли, разъедавая глаза, забивая нос. Прогундосила:

– Глупо... Как глупо!

– Что глупо?

– Жизнь устроена глупо.

– Угу, жизнь вообще коротка и нелепа, – согласился мой душеприказчик.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я взялась загонять попугая обратно за решетку. Индус взмыл к потолку, устроился на ободке люстры и... выполнил важнейшую физиологическую функцию. Кучка образовалась прямо посреди ковра. Это был вызов – Азиз прекрасно знал, что гадить полагается только в клетке. От гнева у меня волосы вспламенились.

– Ах ты, негодник!

Нелестное определение имело двойной адрес. Пернатый негодяй отвернулся, а бескрылый высказал просьбу:

– Слушай, старуха, выручи меня, а? Последний раз прошу...

Не знаю, что уж он имел в виду, однако, поймав меня за талию, встал на колени и принял лицом к лону. Н-да... Неутомимость Серенького в любви мне хорошо известна, но не до такой же степени?! Губы искусителя заскользили вверх. Я дрогнула и, собрав в кулак остатки воли, заявила, чтобы не смел обзывать меня – молодую и цветущую подобно ирисе девушку – старухой.

– Не сердись, Катрин, я же в переносном смысле, – кротко выдохнул лучший из волчьего племени, не оставляя обольстительных поползновений.

Он провел языком по ложбинке между моих грудей, сгреб их своими мускулистыми, поросшими темным мехом лапами. Изнурил поцелуями, довел до того состояния, что я затряслась как в лихорадке. И... время опять повернуло вспять. Вернулся раскаленный солнцем полуденный пляж, страстный шепот волн...

Однажды в сиесту, пока остальные туристы, утомленные солнцем, дрыхли в своих номерах отеля, прохладжаясь под кондиционерами, мы с Серым Волком в самом пекле опустевшего берега предавались любви. Больше податься было решительно некуда: я делила двухместный номер с добродетельной немолодой юристкой Надеждой Ивановной из города Иванова, которая сама не блудила и другим не советовала, напротив, всем видом решительно осуждала мое поведение. А Серега ночевал в подсобке сувенирной лавки, куда устроился на временную работу. Занимал топчан возле замызанной, давно не белевшей шершавой стенки. Узкое, уютное ложе с трех сторон окружали расписные глиняные сосуды и статуэтки из алебаstra. Куда ни глянь – безрукая Венера или нагая Афродита. Когда мой ненаглядный красавец спал, его покой караулили бездарные, приблизительные копии гениальных изваяний. Низкое и высокое вообще нередко оказываются рядом, причем одно подменяет другое так ловко, что порой трудно разобраться, отличить оригинал от подделки, эталон от суррогата. Так и с любовью: где великое чувство, а где – его эрзац, низменная похоть?.. Отдыхающие в лавке приобретали дешевку, полагая, что приобщаются к образцам античного искусства, и тешили плоть с первыми попавшимися знакомыми, безоглядно поддавались инстинктам, не сомневаясь, что предаются любви...

В чердачной каморке нарисованные небожительницы – греческие богини на амфорах, вазах и тарелках – теснились в соседстве с тщедушными карликами, наделенными громадными фаллосами. Панайотис, хозяин этого сувенирного беспредела, представлявшийся художником, походил на одного из них. Остывший от пива низкорослый пузан изнывал от гиперсексуальности. Ему всегда хотелось и могло: реагировал на все, что движется, крутил напропалую с такими же неразборчивыми, как сам, туристками, используя для дневных утех Серегин топчан в подсобке. Там же под рукой имела большая коробка с презервативами – Панайотис,

не мелочась, не экономя на безопасности, закупал их оптом. По лавке частенько сновали его малолетние охламоны – художник имел то ли троих, то ли четверых сыновей, похожих друг на друга, как капельки ртути, и таких же шустрых. Их присутствие абсолютно не смущало развратного сувенирных дел мастера, он побаивался только своей рогоносной супруги – жгучей брюнетки с усиками на верхней губе и тройным подбородком, упиравшимся непосредственно в необъятную грудь. Дамочка неизменно являлась перед закрытием заведения, чтобы выгрести выручку из кассы. Похоже, деньги ее возбуждали сильнее, чем озабоченный муж. Хотя кто их разберет, этих загадочных потомков древних эллинов?

Как бы то ни было, торговля лепней и мазней у Панайотиса шла бойко, потому он и взял в помощь Серегу. Наплывы покупателей наблюдались обычно после полудня, когда курортники возвращались с пляжа, и после ужина, когда туристы совершали променады. А в затишье сiestы мы с Волковым обшаривали окрестности в поисках уединения. Перепробовали все возможности, предоставленные природой, – прятались в апельсиновых рощах и на виноградниках – в частной собственности, где нас в любой момент могли застукать сторожа с дробовиками. Забирались в горы, где почва была каменистой, а перезревшая трава – слишком жесткой и сухой. Попытки превращались в пытки, ведь и в горах и в долинах кишмя кишели насекомые. Дока- тились мы до пляжного лежака, над которым полоскался выгоревший почти добела тряпичный тент.

Почему он мне припомнился? Ах да, ножка перекошенной тахты стучала об пол совсем как лежак по гальке, и жарко стало почти как на пляже... Там, в Лутраках, мы после соитий частенько нагишом бросались в море – плавали, ныряли, брызгались, хохотали, и всякий раз я расточительно смывала в соленых волнах семя любимого мужчины. Нет бы беречь как драгоценность, и тоже забеременеть, и поставить Серого Волка перед фактом, перед неопровержимым доказательством своей любви... Но кто мог заподозрить кудрявого мачо в чадолюбии? Кто бы знал, что этот неутомимый искатель приключений, охотник за удачей отнесется к отцовству с энтузиазмом? У Валерки, к примеру, при слове «дети» напрочь пропадала эрекция... Какая ирония судьбы!

– Дура, – негромко, заискивающе позвал меня Азиз. Он добровольно забился в клетку и нахохлился, вжав голову. Не такое уж безмозглое создание, раз осознает свою вину.

– Ладно, на первый раз прощаю, спи спокойно. – Я накрыла попугайский домик мокрым от соплей крепдешином.

– Катрин, так ты поможешь мне? – приблизился сзади Сергей.

– Зачем ты спрашиваешь, любимый? Конечно помогу. – Во мне яркой искрой воспламенилась надежда.

– Пойдем сядем, я тебе объясню, что нужно сделать.

Он опять притянул меня за талию. Нет, это просто невозможно, я больше не способна отдаваться... Выскользнув из обруча рук, подошла к зеркалу, чтобы поправить разрушенную прическу. Вид был ужасающе неприглядный – мало того что веки заплыли от слез, так еще и царапины покраснели, покрылись коростами запекшейся крови, и щека вспухла как от флюса.

– Уф-ф, – вздохнула я огорченно, – как в таком виде появляться на работе? И не ходить нельзя, на утро целых три показа назначено...

– Три показа? Манекенщицей, что ли, заделалась, Катрин? – Серый критически осматривал мой стан, сдобренный жирком и целлюлитом, шлепнул по мягкому месту. – Моя ты пампушечка!

– Не угадал. Риелтором я заделалась, квартиры клиентами показываю. А что тебя так удивляет? Мне же надо было устраивать свою жизнь, решать жилищные проблемы. – Я накинула халат, оскорбившись на нелестное определение, и буркнула: – Сам ты пампушечка! Пампушек не видел? Так вспомни жену Панайотиса!

– Зачем я буду вспоминать чью-то чужую жену, когда ты рядом?.. Не злись, Катрин, работай ты кем угодно, мне без разницы. Только завтра на службу не ходи, пошли своих клиентов.

– Ага, сейчас!

– Катенька, я тебя очень прошу. Выручай. Я возьму убытки... Ну пожалуйста!

– Сережечка, перестань. Ты же знаешь, я для тебя... Я для тебя что угодно! Каштаны из огня!.. Луну с неба!

– Радость моя, умница!

Сама не заметила, как очутилась на коленях у Сереги, заботливо укутавшего мои озябшие плечи старой кофтой, свисавшей со спинки стула, и дополнительно обогревавшего объятиями. Он гладил мои волосы, преданно заглядывая в глаза. Любовался пронзительной, как волны, синевой моих очей. И, ответно засмотревшись в его глаза, я простонала:

– Люби-и-имый.

– Съезди с утра к Ляльке, ладно? Она там наверняка с ума сходит, на стены лезет – волнуется из-за того, что меня дома нет. Ляля у меня такая слабенькая, робкая, беспомощная...

– Волков, ты спятил?! Как ты вообще смеешь мне такое предлагать? Бред! Чушь! Нет, это просто потрясающая наглость – считать, что я – Я! – должна навещать эту крольчиху Ляльку. Жену моего любовника!

– А что такого?

Сорвавшись с его колен, я пролетела по комнате грозной шаровой молнией и нечаянно наступила в Азизовы какашки. Поскользнулась и шлепнулась. Грохоту было, будто свалился шифоньер, и в глазах потемнело не столько от боли, сколько от обиды.

– Зачем ты только свалился на мою голову? Какого дьявола?! За что ты мучаешь меня?.. Всегда от тебя одни неприятности!.. Сам вали к своей долбаной жене, убирайся немедленно! Оставь меня в покое!

Я на одной ноге поскакала к ванной комнате, на пороге которой кофта соскользнула с плеч, и, запутавшись в ней, чуть не упала вторично. Подоспевший Серега поднял меня на руки и поставил в ванну.

– Ты права, Катрин, неприятности имеются, но они вполне поправимы, – спокойно уверещал он, игнорируя мое протестующее фырканье.

Пустил воду, наклонился, хорошенько намылил мою ступню, после чего принялся лобзать бедро – самую чувствительную, внутреннюю его сторону. Я оттолкнула бедоносца: «Отстань!» Разумеется, он не послушался – аккуратно просушил ногу полотенцем и на руках донес меня до тахты. Кротко, аки агнец, поинтересовался:

– Солнышко, где взять тряпку, чтобы убрать дерьмо за твоим любимым шнобелястым вороном?

– Оставь в покое ворона! Нашел мишень для издевок, тоже мне... Тряпка в тазу под ванной... Не поеду я ни к какой Ляльке, ни за что не поеду! Даже не надейся!

Сережка не возражал, ползал по ковру, тщательно оттирая Азизовы метки. Вскоре и мне надоело впустую надрываться. Замолчала, легла, отвернувшись к стене, тем самым давая понять Волкову, что не желаю с ним знаться. Как ни крутилась, стараясь поудобней устроиться, успокоиться не удавалось. Женатый любовник сидел на краешке тахты, застыв, как эмблема смирения и печали.

– Так и будешь до утра сидеть? – не выдержала я. – Или все же поедешь домой?

– Кать, я все понимаю, тебе неприятно, но сама подумай: к кому я еще могу обратиться в сложившейся ситуации? Не могу я сам ехать, возле дома меня наверняка поджидают... двое с носилками и один с топором. Или с автоматом, револьвером, тротиловой шашкой...

– Угу, скажи еще, специально для тебя весь арсенал Сибирского военного округа, танки и гранатометы подогнали!

– Эх ты... С засранным попугаем носишься как с писаной торбой, а маленькие, беззащитные дети... пусть пропадают, да?!

– Нет, пусть живут. Но почему я должна из-за тебя рисковать, ложиться под пули, утешать Ляльку, закрывать грудью твоих детей? С какого такого перепуга? За то, что ты меня кинул, поматросил и бросил, да? Даже не попрощался по-человечески, не подумал объясниться, – залилась я горькими слезами. – Не вспомнил!

– Я вспоминал, вернее, я тебя, Катрин, никогда не забывал. Но Лялька... Куда ее было девать? «Идет бычок, качается, вздыхает на ходу» – вот так она передвигалась! Сама тоненькая, живот огромный... Ляле постоянно нездоровилось – то токсикоз донимал, то нефропатия обострялась. Почки отказывали, понимаешь? Она и рожала-то под капельницами, на ее вены нельзя было смотреть без содрогания – не руки, а сплошные синяки.

– Ах-ах, какая бедняжка!

– Не прикидывайся бессердечной, старуха.

– Ты опять?!

– Что опять?

– Опять обзываешь меня старухой?

– Извини, Катечка. Честно, ты в моей памяти запечатлелась солнышком, виноградной лозой, апельсиновым деревцем...

– Кончай врать!

– Я не вру: ты – моя апельсинка, моя рыбка, мое золотко. Богиня!.. А Лялька – что? Она была такая жалкая, бледная, измученная. Никому, кроме меня, не нужная девочка. Она бы погибла...

– И имя-то у нее идиотское!

– Имя самое обыкновенное – Ольга. Это я называю ее Лялей, потому что она как куколка – юная, тоненькая, глазки наивные, волосы белые.

– У-у, так ты, оказывается, любитель блондинок!.. Что же сразу не признался? Я бы, может, тоже обесцветилась. Чего уж проще... Ничто так не красит женщину, как перекись водорода!

– Моя Лялька – натуральная блондинка, – с гордостью заверил Серый Волк.

Азиз под крепдешиновой шалью завожился, разбуженный нашей ожесточенной перепалкой, и вдруг огласил комнату сдавленным ворчаньем: «Ля-ялька, Ля-я-ялька». В точности скопировал мою неприязненную интонацию!

– Вот именно! Заколебал ты уже нас со своей Лялькой!

– Способный парнишка, – улыбнулся Сергей.

– Невелики способности: если миллион раз повторить, самый тупой запомнит. А ты всю ночь только тем и занимаешься, что расхваливаешь супругу, эту чертову Ляльку. Всю плешь проел моему попугайчику!

– Не преувеличивай. – Он запустил лапу под одеяло.

Я отодвинулась, приложила руку к щеке – царапина под коростой неприятно пульсировала. И в сердце мне словно кол всадили. Подумалось, что Лялька – бледная незабудка, которую глупый, неразборчивый волчина предпочел изысканному фиолетовому ирису. Кич, подделку принял за произведение искусства. Но почему же я-то такая неудачница?! От жалости к себе начала икать. Серый принес с кухни стакан воды, заставил меня напиться, но приставать с объяснениями и утешениями больше не стал, перешел ближе к делу.

Через полчаса я знала все о его детях. Старшая – девочка Ксения – вундеркинд четырех с хвостиком лет от роду, писаная красавица, ангелочек. Ее водят в бассейн, обучают музыке и английскому языку в школе раннего развития. Младшему мальчику, Артему, не сравнялось и года, всего одиннадцать месяцев, а этот бедолага уже перенес стоматит и бронхит, нуждается в диете, поскольку страдает диатезом и постоянно плачет по ночам. В Новосибирске у Ольги

нет ни родственников, ни близких. Конечно, справляться с детьми и хозяйством ей помогают приходящая няня и экономка, но это чужие люди, на них нельзя положиться в экстремальной ситуации.

– Ляле и ребятишкам опасно оставаться дома. Ты, Катрин, должна отправить их к родителям в Красноярский край.

– Как ты себе это представляешь? Заявлюсь и скажу: здрасте, я ваш телохранитель. Стройтесь, и шагом марш на вокзал! Так, да?

– Нет, ну вот зачем ты язвишь? Разумеется, обойдись без лобовой атаки. Придумай что-нибудь... Например, скажи: «У Сергея Владимировича срочная командировка. Просил передать, чтобы вы в его отсутствие погостили у мамы с папой, и попросил, чтобы я сопровождала вас в пути».

– Что-о? По-твоему, я еще и до Красноярска с ними пилить должна?!

– Немного дальше Красноярска, в деревню, – не моргнул он глазом. – Дорога не отнимет у тебя много времени, максимум сутки. По-моему, это очень приятно – поваляться на полочке в вагоне, в окошко поглазеть, книжки почитать, чайку из стаканов с подстаканниками попить для разнообразия.

– Дорогой мой, разнообразие с чайком и книжками мне и дома легко себе организовать! – Я спорила уже по инерции, смирившись с неизбежностью поездки, понимая, что Серый все равно не отстанет. Автоматически уточняла детали – какой поезд выбрать? что из продуктов взять в дорогу? сколько стоят билеты? Волков посоветовал не экономить, заверив, что у него дома бабла немерено, хоть камин купюрами топи или стены ими вместо обоев оклеивай. Но на всякий случай отделил от толстой пачки из своего бумажника... тысячу рублей. Я не удержалась от сарказма: «Твоя щедрость не имеет границ в разумных пределах».

Лялькину муж пообещал завалить меня баблом, но не сейчас, а после того, как расквитается с проблемами. Еще обещал, что мы больше никогда не потеряемся в этом мире и все у нас будет замечательно – просто зашибись! Правда, он избегал конкретики, не уточнил, как выглядит это «зашибись»: останусь на правах любовницы или он все-таки возьмет меня в жены? Конечно, не терпелось прояснить свое ближайшее будущее, но Волков пресек возможность диалога:

– Четвертый час ночи. Давай спать, Катрин! День впереди – не из легких...

Сладко зевнув, отвернулся. А я еще долго – пока глаза не начали слипаться – разглядывала его мастерски подстриженный затылок. Не знаю, спал Сережка или прикидывался, но дышал он тихо и ровно. В жертвенном порыве я прижала свою разнесчастную, зареванную и исцарапанную физиономию к гладкой коже его спины и поклялась, что все исполню и стерплю, лишь бы с моим Сереньким ничего плохого не случилось.

Утро встретила в самом тягостном состоянии – внутри дребезжало, как в двигателе старого, разбитого тарантаса. Томила неуверенность в себе, сердце сдавливала тревога. Любимый мужчина, напротив, держался молодцом. Бодро занялся разминкой, махал ногами и крепкими кулаками, отвешивая тумачи воображаемым противникам. Принимая бойцовские позы, поигрывал бицепсами и трицепсами перед зеркалом. Я поймала его отражение – об острый, ледяной взгляд запросто можно было порезаться. Ни тени восхищения мной и вчерашнего тепла... А я так нуждалась в ободрении, в ласке!.. Поплелась в ванную, где он принимал душ, и спросила заискивающе:

– Сереженька, а как ты будешь обходиться без очков?

– Да легко! Неужели не догадалась? Очки были маскировкой, стекла без диоптрий. – Он схватил мою зубную щетку, выдал на нее пасту и уточнил: – Слушай, у тебя есть бритва?

– Только такая. – Я достала из шкафчика и предъявила станок под названием «Венера», которым брею ноги и прочие места, но полуобнаженного атлета он не устроил. Похлопав себя по щекам, он изрек:

– А, ладно, и так сойдет. Отпущу щетину, как у чеченского боевика, раз уж предстоит воевать.

– Воевать? – Я привалилась к дверному косяку, разом ослабев.

– Ну не в кубики же играть?! Прорвемся, не впервой. – Нервы у Волкова были в полном порядке, а взгляд налился устрашающей тяжестью кастета. – Эгем мне за наезд ответит!

– А кто это – Эгем?

– Так, один дешевый ффраерок, возомнивший себя суперменом, беспредельщиком. Вообще-то его зовут Эгамбельды, он казах или киргиз, я как-то не вникал... Мы айкидо вместе занимались. Думал, надежный чувак, приблизил его, сделав своим компаньоном, в соучредители взял. А он оборзел, решил все прибрать к рукам. Слишком много хочет, но ни фига не получит, сучок!.. Лишний раз убеждаюсь, в этой жизни доверять можно только себе самому. И то не всегда...

Сергей энергично чистил зубы, яростно сплевывая белую пену, и я вздрагивала, будто он плевал не в раковину, а непосредственно в мою душу. Робко высказала предложение обратиться в милицию.

– Какая милиция? Там те же беспредельщики! – Он длинно выругался и посоветовал: – Не забывай себе голову, Катрин, сам разберусь... Знаешь, в чем главный принцип айкидо? Суметь обернуть силу противника против него самого. Я тебе обещаю: противодействие окажется в сто раз весомей его подлых действий. Х-ха, мне прямо страшно за Эгема!

Знакомый незнакомец, агрессивный сноб – вот кем стал Серега Волков наутро после нашей новой встречи. Я никак не могла попасть в его тональность. Что ни делала, что ни говорила – выходило невпопад. Завтракать было нечем, вскипятила чайник, выставила на стол чашки с блюдами из сервиза и банку кофе. Он сморщился: «Ты пьешь растворимый? Пф, пить такое дерьмо – себя не уважать», но все-таки выпил. И демократичная марка крема для обуви его не устроила, однако начистил штиблеты старательно, как перед важным приемом. С той же тщательностью смел щеткой пылинки с пальто и пиджака, повязал галстук. Я смотрела на собирающегося уходить возлюбленного с нарастающей тревогой, спросила, заглядывая в карие глаза:

– Когда мы увидимся?

Он лишь подмигнул и просвистел мотив блатной песенки: «Теперь раскаиваться поздно, посмотри на звезды... Видишь это все в последний раз!» Очень жалостливая песня, если вдуматься...

– Ты забыла спросить, где живет моя Ольга, – напомнил Волков.

– И где же?

– В высоком терему, – усмехнулось это каменное сердце. – Знаешь монолитную высотку на Нарымской, напротив цирка? Такую со светлой штукатуркой, с башенками, под зеленой крышей.

– Конечно знаю. Нехило... Где-то две с половиной тысячи за квадратный метр, – щегольнула я познаниями в области цен на недвижимость. – Моя коллега Лида Гаевая как раз занимается трехкомнатной квартирой в этом доме. Никак спихнуть не может. Умножь две с половиной на сто тридцать, все-таки дороговато...

– Квартира семнадцать. – Сережка остался равнодушным к моим рассуждениям. Записал номер своего домашнего телефона и прилепил бумажку к зеркалу в ванной, строго предупредив: – Но лучше не звони, сама поезжай. И не вздумай откровенничать с Лялей, не пугай ее перестрелкой. Просто убеди мою девочку сменить обстановку и помоги ей упаковать багаж.

В его тоне слышался лязг металла. И «моя девочка», обращенная не ко мне, покорила, но я простила великодушно, подумав, что Волков сам не знает, кто он: пан или пропал. Задержала беглого любовника возле порога, чтобы облобызать, но он проигнорировал протянутые губы, отстраненно коснулся моего лба. Так странно... я же не покойник, чтобы меня в

лоб целовать... От него самого тянуло холодом подземного Аида. Это просто какой-то тихий ужас!.. Мне стало так страшно, что захотелось курить. А сигарет не было. Я вообще-то обычно не курю...

Глава 3

Мое упадническое состояние передалось Азизу: любезный друг кемарил на жердочке, прикрыв глаза морщинистыми веками, кушать не просил и летать не желал. А я никак не могла собраться. Переодевалась трижды, почему-то казалось, что любая одежда смотрится на мне как на корове седло. Меняла прически, то закалывая, то распуская волосы, а они никак не укладывались, торчали непокорными вихрами. Намазалась тональным кремом, что опять-таки не пошло на пользу – царапины остались заметными, нос красноватым, веки припухшими. Сколько ни билась, ни прихорашивалась, оттягивая неприятный визит, все равно вместо лица выходила морда...

Прежде чем отправиться к Ляльке, позвонила в свою риелторскую контору с нелепым, не соответствующим истине названием «Новодом», – новых квартир мы почти не предлагаем, топчемся на вторичном рынке.

– Евгений Павлович, это Катерина. Евгений Павлович, я приболела, самочувствие жуткое, скорее всего, до завтра не выздоровею, – сыпала словами, как горохом из мешка, а генеральный директор подозрительно молчал, будто язык проглотил. Это настораживало: неужели раскусил, что вру? Не оставалось ничего иного, как предложить: – Пусть Лидия Гаева вместо меня на показы сходит!

– У Лидии своих клиентов предостаточно, она перевыполняет план, а вы, Макеева, в прошлом месяце уже запороли две сделки, – с гадкой ехидцей в голосе припомнил начальник. – Если вам не нужны деньги...

– Нужны, еще как нужны! – заверила я, перебивая. – Но ведь каждый человек имеет право заболеть!

– Каждый, если он не риелтор, – с ледяным бесчувствием отрезал Евгений Павлович. – Не хотите работать – увольняйтесь, никто вас не задерживает.

Придурок. Выходит, мир для него поделен на две части: риелторы и нериелторы. До чего прямолинейный, ограниченный человек... Нет бы пожелал выздоровления, так взял и бросил трубку! Дубина длинноносая... Есть в нем нечто непрошибаемо-железобетонное, гадкое, не зря в нашем коллективе за директором закрепилось прозвище Негений Падлович. И фамилия-то у него соответствующая – Буренко, к которой очень подходит производный глагол: Буренко обурел. Точнее не скажешь! Я подозревала, что он давно мечтает от меня избавиться, но так не хочется остаться безработной...

Возникло состояние, будто лечу с горы: в желудке пустота, в ушах шумит, словно от свиста ветра. Вот-вот навернусь!.. Я всего один раз попробовала прокатиться на горных лыжах. Боялась смертельно, и не напрасно – на довольно пологом, неопасном спуске упала, сломала руку и почти месяц ходила в гипсе. До сих пор левое запястье ноет в непогоду... А сейчас заныли и сердце, и печень, и поясница. Может, действительно заболела? Нет, вряд ли, все гораздо хуже... Во мне иногда возбуждается прямо-таки звериная интуиция. Например, стоит подумать о ком-то, человек тут как тут – звонит или приходит. Еще бывает, выходя за покупками, я сосредотачиваюсь и безошибочно чувствую, куда идти, где обязательно найду нужную вещь. И уж конечно, всегда просекаю, кто и как ко мне относится... А сейчас обострившийся нюх подсказывал: «Не вяжывайся ты, Катя, в Серегины проблемы, как бы они ни назывались – разборки, наезды, спасение утопающих...» Риск велик, и, скорее всего, средства не оправдывают цели. Но упустить цель было жалко – такие любовники, как Серенький, на дороге не валяются, это очевидно. Тем более что мне давно не семнадцать и даже не двадцать пять лет, как было в Греции...

Подходя к высотке, я и не сомневалась, что дверь подъезда окажется запертой, но не предполагала, что на звонок домофона никто не ответит. Не уходить же? Стала ждать, когда

кто-нибудь войдет или выйдет. Сначала прогуливалась по широкой площадке над лестницей, как бы служившей крыльцом, потом скакала трусишкой зайкой сереньким, стараясь согреться. Холод пробирал основательно. А еще, подпрыгивая, я заметила, что в одной из иномарок – темно-зеленом «пассате», припаркованном прямо возле крыльца, притаились двое мужчин. Кажется, оба светловолосые или в светлых шапках, – а других примет с порядочного расстояния да через затемненное стекло не разглядишь. Чтобы зря не маячить перед ними, не привлекать внимания, а заодно погреться, пошла в аптеку, расположенную на первом этаже, с другой стороны дома. Изучала витрины, а сублинная аптекарша в потешном накрахмаленном чепце изучала меня и наконец не выдержала:

– Выбрали что-нибудь?

– Пожалуйста, памперсы, – нашлась я. Маленький Артем наверняка дует в штаны, так что пригодятся.

– На какой вес?

– Ум-м, наверное, на полкило или меньше...

– Женщина, вы думаете, что говорите? Детей с таким весом не бывает, – нелюбезно фыркнула она. – Сколько месяцев вашему ребенку?

Сошлись на десяти килограммах. Рассчитываясь за упаковку памперсов, я убедилась, что иметь детей – удовольствие не для бедных... Снова ринулась к лестнице, ведущей в подъезд. На сей раз удачно: в распахнутую дверь грузчики затаскивали массивный диванище. Бросив взгляд в сторону парковки, убедилась, что зеленый «пассат» все еще там. Очень подозрительно!..

Процессом доставки мягкой мебели руководил солидный мужчина в «найке». Я поздоровалась с ним, чтобы сойти за свою, и сиганула вверх по лестнице. Дверь под номером 17 располагалась на третьем этаже. Едва дотронулась до кнопки звонка, как ее распахнули.

– Почему так долго? Заставляете себя ждать! – накинута на меня тощая девица и выхватила памперсы. Культура так из нее и перла: ни «здрассе», ни «спассибо», и раздеться не предложила!

– У вас домофон не работает, – промямлила я, хотя впору было воскликнуть подобно Красной Шапочке: «Бабушка, почему у тебя такие большие уши и слишком длинные ноги?!» Чтобы рассмотреть ее, пришлось задрать подбородок, – девица вымахала выше некуда. Неужели она и есть неприспособленная, маленькая куколка Лялька? Дылда! Жердина. Каланча. Коломенская верста. Подъемный кран – как ее еще прозвать?.. Единственное качество, которое Сергей не искажил в описании своей жены, – это цвет волос. Крольчиха действительно обладала длинными, густыми, очень светлыми и ухоженными волосами, так и сиявшими под лампочкой. Зато все остальное в ее внешности никуда не годилось: брови и ресницы бесцветные, водянистые глаза слегка навекате – выпуклые, как увеличительные линзы, как зенки стрекозы. Хуже всего оказался рот – широкий, тонкогубый, будто прорезь почтового ящика. Или урны для голосования.

– Сама знаю, что не работает, – противным голосом застрекотала альбиночка. – Быстрее мойте руки – туалет направо. Мне пора уходить, а я из-за вас еще душ не приняла!

Волковская квартира занимала весь этаж. Вероятно, ее соорудили, объединив две соседние. Неплохо устроились – просторно, с шиком. Холл венчал синий навесной полотнок, вмонтированные в него лампы мерцали, как звезды, и отражались в озерной глади отполированного паркета. Туалет, где я долго грела руки под краном с горячей водой, был облицован черным с серебристыми прожилками кафелем. Помимо унитаза, здесь находилось биде. Наша Лидка Гаевая в подобных случаях хохмила: «У этих богатых чего только нет – и биде вам, и перде!» Мне хотелось рассмотреть баночки и бутылочки, расставленные на стеклянных полках стеллажа, но Лялька нетерпеливо затарабанила в дверь: «Эй, женщина, вы что там, уснули?» Нашла женщину... Могла бы потрудиться спросить, как меня зовут. Невежа!

Она отвела меня в детскую комнату, заваленную горами игрушек. У окна в большом манеже сидел иссиня-бледный малыш – настоящий заморыш, которого, похоже, не кормили дня три. Буйные кудряшки придавали ему сходство с неотразимым отцом, только были светлее, рыжеватого оттенка...

– Подмойте Артема, переоденьте, смените памперс, сварите кашу, накормите. – Несимпатичная мамаша так и сыпала глаголами в повелительном наклонении. Похоже, привыкла командовать, да еще нервничала. Ну, естественно, любая бы в ее положении разволновалась, теряясь в догадках, где ночевал глава семьи. Не подозревает, несчастная, что Сережка нашел отраду в моем саду, благоухающем изысканными сиреневыми ирисами...

– Иди ко мне, – приветливо поманила я заморыша. – Давай знакомиться, я – тетя Катя, а ты Темочка, да?

Мальчик отполз как можно дальше и сквасился, готовясь заплакать. Пожалуй, мной и впрямь можно детей пугать – мало щеки со шрамами, так еще и обмороженный нос торчит, как морковка у снеговика. Пора, пожалуй, признаваться его матери, что я не умею водиться с малышами и вообще по другому поводу явилась. С чего бы начать?.. Каланча меня опередила:

– Ос-споди, чего вы застыли, женщина? Берите ребенка на руки и ступайте!

– Куда?

– Елки, в кухню! Бывают же такие непроходимые тупицы... Как вас только держат в агентстве?

– Погодите, я хочу внести ясность. Вы – Лялька?

– Лялька? – Она распахнула почтовый ящик. – Откуда вы знаете, что муж меня так называет?.. Может, для него я и Лялька, а для вас – Ольга Анатольевна!

– Я как раз от вашего... э-э-э... – Не хочу и не буду называть Серенького ее мужем! – Я от Сергея Владимировича. Понимаете, он...

– Где он?!

– Уехал в срочную командировку.

– Что вы мелете? Какая может быть командировка? Вы вообще-то кто такая?!

– Я – Катерина, а Сергей Владимирович, уезжая, просил меня позаботиться о вас и на время его отсутствия проводить к родителям в Красноярский край. Так что давайте деньги, я схожу на вокзал за билетами, а вы пока сами подмойте сына и начинайте паковать багаж.

– Ни фиги себе заявочки!

Ольга выставилась на меня, как на последнюю аферистку, с нескрываемой неприязнью. Синюшный мальчик плакал, вернее, тихонько скулил. А я никак не могла решить – выкладывать ей все начистоту или подождать. Попробовала выкрутиться, протянуть время:

– Сергей Владимирович сказал, что у родителей вам с детьми будет лучше, поскольку он не знает, когда вернется, – и подумала: скорее всего, никогда!

Каланча, перекивая ноющего Тему, заорала:

– Шел бы он в жопу!.. Ишь чего захотел – сплавить меня к родителям! Нет уж, дудки! Я не для того выбиралась из той дыры, чтобы ехать обратно!

Она дико разозлилась. Наверное, еще секунда, и послала бы меня по тому же направлению, куда и Серегу. Я же не придумала ничего лучшего, чем насильно схватить Артема, и протянула:

– Вы зна-а-ете...

– Не знаю и знать не хочу! – категорично отрезала Ольга, от крика которой ребенок залился слезами еще громче и вцепился в мои волосы, как обезьянка в лиану.

– Но у Сергея Владимировича возникли проблемы...

– У кого возникли, пусть тот и отдувается! У него вечно проблемы! А мне безразлично, где он – в командировке или на тусовке, но лично я буду жить дома! Никуда не поеду, так что отстаньте со своими глупостями!.. Засада какая-то: чертова няня потребовала расчета. Вызвала

другую гувернантку через агентство, а вместо нее являетесь... вы... Тьфу!.. Ладно, раз уж пришли, варите-ка кашу! Мне срочно надо привести себя в порядок... В конце-то концов!

Я выполнила ее указание из чистого сострадания к Артемке, который от голода сосал палец, как медведь в берлоге лапу. Ольга показала дорогу в кухню, забрав сына, плюхнула его на специальный высокий стульчик с загородкой и исчезла. Даже не удосужилась сказать, где что лежит. Пока я шныряла по шкафчикам и тумбам мебельного гарнитура в поисках кастрюльки, ложки и прочих причиндалов, мальчик непрерывно ныл. Методом тыка удалось найти холодильник, замаскированный под деревянной дверцей шкафа. Достала пакет молока и, отломив от грозди банан, сунула его малышу в крошечную ладошку. Тема моментально бросил фрукт на пол. Дурашка! Мой Азиз мигом его бы склевал и не поперхнулся.

«Гули-гули, га-га-га», – пропела я сущую ересь и показала Артемке козу. Понятия не имею, как развлекать подобную мелюзгу, но трюк удался: паренек изумленно воззрился и потянул ко мне ручки. Держа его на весу, очистила банан. Не знаю уж, сколько он съел, но мой свитер извозюкал капитально...

Откровенно говоря, вкус манной каши я забыла, поскольку со времен детского сада ее не ела. Поставила кастрюлю на конфорку, насыпала туда крупу. Некстати зазвенел телефон – карамельно-розовый аппарат, висевший над столом. На мое приветственное «Да» откликнулся неизвестный мужской голос:

- Оленька, котенька моя сладкая, ты выходишь? Я уже заждался!
- А-а...
- Не крась губки! Сколько можно кормить меня помадой? Выходи скорее!
- Ольга в душе. Что ей передать?
- А с кем я разговариваю?
- Меня зовут Катерина, я вожусь с Артемом. А вы кто?

В трубке запищали короткие гудки. От плиты потянуло горелым. Заглянув в кастрюлю, я убедилась, что манка приобрела цвет кофе или какао. «У-у-у», – скуксился Тема и кинул остатки банана в кастрюлю.

– Не расстраивайся, котя сладкий, сейчас мы новую кашку-малашку сварганим, – утешала я его, покачивая.

Взяв другую кастрюлю, налила молоко и поставила на огонь. Кто бы еще знал, где в этом доме сахар... Шарить по полкам с руками, связанными Артемом, было ужасно неудобно. Кстати, он оказался не таким уж легким, моя левая рука, служившая мальчугану сиденьем, совсем затекла, а вернуть ребенка на стул не представлялось возможным – он крепко-накрепко вцепился в мой свитер, размазывая по плечу сопли и слюни. В общем, ни сахара, ни соли не нашла, зато ценный продукт коровьего производства вспенился шапкой и хлынул на плиту. Кухню моментально заволочло едким дымом. Запах совершенно невыносимый, но открывать фрамугу для проветривания я не отважилась: еще, чего доброго, простужу хилого бронхитика. Он без того надривно раскашлялся и безутешно расплакался. Пришлось снова петь «гули-гули» и качать капризника.

Только с третьей попытки мне удалось изготовить невразумительное, комковатое варево отвратного вида и вкуса. Артем наотрез отказался употреблять *это* в пищу. Впрочем, на его месте так поступил бы каждый...

– А мы хлебushка съедим, а мы хлебushка съедим, – напевая, как придурочная, я пихала в рот малышу белый мякиш.

– У-у-у, – выл пацанчик, как буран в степи.

– Фу, чем воняет? – В кухне возникла Ольга, сморщила нос от отвращения. – Дышать нечем!

А по-моему, ее приторные духи воняли гораздо отвратнее, так, будто мадам обсыпалась всей ванилью мира. Я повинулась, что каша пригорела, но она это обстоятельство и сама заметила:

– Ос-споди, откуда ты такая бестолковая выискалась? Две кастрюли спалила! Зачем ты варила манку? Есть же специальная смесь, разуй глаза! – Жена моего любовника потрясла коробкой, стоявшей на тумбе возле плиты. – Сухое молоко и молотая гречка, надо было просто добавить кипяченой воды и перемешать!

– Вы забываете, что я – не нянька...

– Не нянька она. – Лялька метнула на меня уничтожающий взгляд.

Есть поговорка: «Посмотрит – рублем одарит», а про стрекозу справедливее будет сказать «рубль отнимет»... Однако макияз преобразил ее до неузнаваемости, поскольку бледная моль усердно потрудились над своим лицом: нарисовала брови и губы, а ресницам задала такой неимоверный объем, что без того выпуклые глаза воспринимались просто фарами. Два бриллианта в три карата, ха-ха. И вырядилась она, как... как девушка по вызову. Кожаная юбчонка – короче не бывает, ботфорты, отделанные стразами, титки вываливаются из выреза облегающего пуловера, а на шее штук пять цепочек с крестиками и прочими примочками. Я, не скрываясь, разглядывала ее явно недешевые, фирменные, но весьма безвкусные тряпки и готова была поклясться, что никогда не позволила бы себе одеться столь вульгарно!

Снова зазвонил телефон, и теперь трубку сняла сама Лялька, сказавшая:

– Да, любимчик, уже выхожу, – и, сменив тон, обратилась ко мне: – Слушай, ты, как там тебя... Кажется, Надя, да?

– Екатерина. – Собственное имя я произнесла столь величаво, словно за ним должен был последовать титул «государыня всея Руси».

– Не важно. Короче, прочитай инструкцию на коробке и готовь. Через час приведут с занятий Ксению, накорми ее обедом, найдешь там что-нибудь в холодильнике, разогреешь в микроволновке. В половине второго уложи детей спать. Пока! Я полетела!

– Куда? Мы так не договаривались! Не пущу! – Я выставила вперед свободную от Артема правую руку и толчком заставила ее сесть. Хватит церемоний, отступать дальше некуда, иначе совсем закобалит. Прикрикнула: – А теперь послушай меня! В Сергея вчера стреляли. Он вынужден скрываться, и вам необходимо уехать. Пойми, это не шутки, существует реальная угроза, опасность... Его шантажирует бывший компаньон. Хочешь, чтобы он похитил тебя или детей? Вам надо уезжать!

Пока ее убеждала, воображение прокрутило всевозможные страсти-мордасти, виденные в кинофильмах про шантаж и киднеппинг: заклеенные рты, запястья, прикованные наручниками к отопительным батареям; отрезанные уши, пальцы и головы. Самой дурно стало, а Лялька и бровью не повела, захихикала:

– Представь себе, мечтаю, чтобы меня похитили!.. Кончай паниковать! Сказала, не поеду в деревню, значит, не поеду! К тому же у меня совсем нет денег, не полагаться же на родительскую пенсию?.. Все, меня ждут!

– То есть как: нет денег? Сережа сказал, что...

– Кого ты слушаешь?! – оборвала она. – Этого жмота? Ос-споди, за копейку удавится...

Как-то незаметно, путем взаимной перебранки мы обе перешли на «ты». Я ничего не понимала, впервые видела женщину, которой глубоко плевать и на жизнь собственного супруга, и на своих ребятишек. Кроме того, она абсолютно не ревновала ко мне Серегу и в упор не замечала ноющего Артемку, которого я по-прежнему качала на руках. Глядела мимо, думая о чем-то своем.

Прозвучали первые такты «Маленькой ночной серенады» Моцарта – такой необычный музыкальный звонок был в этом презентабельном доме. Втроем мы вышли в прихожую, и Лялька впустила молодящуюся пенсионерку, в кокетливой норковой шляпке похожую на гриб-

моховик. Под мышкой тетенька держала точно такую же упаковку памперсов, какую принесла я, и возбужденно гомонила:

– Здравствуйте! Ох, насилу добралась... До чего же скверно у нас транспорт ходит, всюду заносы, дороги не чистят, столько времени простояла в пробках...

– Еще одна, – ухмыльнулась Ольга. – Вы, случаем, не от Сергея?

– От какого Сергея? Нет, я из агентства «Лунный свет», сто рублей в час или восемьсот за рабочий день плюс ваши обед, ужин и транспортные расходы. – Женщина строчила как из пулемета.

– Сколько-о? – переспросила накрашенная жердина. – Я не ослышалась? В вашем «Свете» что, совсем офонарели? Опять расценки повысили?

– Погодите, кто из вас мамаша?

Пришедшая дама в шляпке расстегнула пальто, обшарила взглядом коридор, не зная, куда его пристроить. Поскольку мои руки были заняты ребенком, протянула верхнюю одежду Ляльке, но та и не подумала принять, гавкнула:

– Какая вам разница, кто мамаша? Восемьсот рублей слишком дорого, отправляйтесь обратно.

– Какое дорого? У меня специальное педагогическое образование! Я столько гавриков воспитала – о-о-о, и ни один в тюрьму не сел!

– При чем здесь тюрьма? – вздрогнула Ольга. – Уходите, нет у меня восьмиста рублей!..

– А памперсы? – Высокопрофессиональная нянька совала ей пакет, а Темина мамаша его отталкивала:

– Памперсы мы уже купили. Вы бы еще дольше ехали! Все, до свидания.

– Я буду жаловаться! – завизжала невостребованная нянька. – Вы посмотрите на них: чем богаче, тем жаднее!

– Да жалуйтесь сколько угодно! – Лялька распахнула дверь. – У моих детей уже есть воспитательница.

– Кто? – уточнила я, не веря своим ушам.

– Ты. – Она ткнула в меня пальцем, продолжая попытки вытолкать визитершу.

Но та отчаянно упиралась. Вдвоем они устроили невообразимый тарарам, настоящую потасовку, чуть до драки с членовредительством не дошли, поскольку белобрысая каланча, превосходившая силой противницу, сорвала с няньки шляпку и выкинула в подъезд, прямо на пол, и туда же отправила памперсы. Пугливый Тема спрятал личико у меня на шее, и я гладила его по мягким кудряшкам и шептала: «Мать твоя потрясающая нахалка, а вот папочка хороший, папочка – просто прелесть».

Наконец Ольге удалось вытолкать тетку и закрыть дверь, из-за которой неслись проклятия. Победоносно улыбнулась мне, и ее круглые хитрые глаза забегали, как шары по зеленому сукну бильярдного стола.

– Гляди-ка, Катерина, Артемчик тебя признал за свою... Так что оставайся, не пожалей! Скоро Нина Осиповна нашу Ксюшеньку приведет, с ней вам будет веселее. А мне действительно пора!

– Куда? – задала я напрасный вопрос, прекрасно зная, что стрекозу ожидает сладкий котик.

– В фитнес-клуб, у меня абонемент, пропускать нельзя, за все заплачено: пилатес, массаж, сауна, солярий. Сама подумай, на кого бы я была похожа после двух родов, если бы не фитнес?.. Да еще к маникюру нужно заскочить, коррекцию сделать. – Она предъявила мне свои изнеженные ручки с длиннющими накладными ногтями, разрисованными пошлейшими звездочками и блестками.

Я со свойственной мне справедливостью укорила:

– Ольга, ну ты даешь, нашла время заниматься маникюром, когда Сергей в опасности и дети голодные.

– Да вот, нашла! Потому что не хочу и не буду терять форму, жиреть, как некоторые.

Сомнений не оставалось, она намекала на мою фигуру. Ну, это уже неприкрытый вызов! Я открыла рот, но потеряла дар речи от возмущения, а стрекоза тем временем накинута роскошное манто из белоснежной норки – в сравнении с ним моя шуба точно отдыхает, смотрится облезлой кошкой, скончавшейся от стригущего лишая. Лялька, взмахнув ресницами, улыбнулась: «Пока-пока!»

– Стой! – Я решила вытянуть последний козырь из рукава: – Между прочим, в вашем дворе пасется автомобиль с двумя дядьками, которые точно кого-то караулят, дожидаются. Как ты думаешь, кого?.. Явно не меня. Тебя!

– Катя, кончай, не смейся, а? Неужели ты и вправду думаешь, что в этом городе меня, – ее интонация подразумевала «неимоверно красивую девушку», – некому защитить?

– погоди, а эта... как ее? Которая Ксюшу приведет...

– Нина Осиповна – наша домработница. – Жена моего любовника нетерпеливо переступала с ноги на ногу. – Чего ты от нее хочешь?

– Может, она сварит кашу и последит за детьми? Мне на работу надо, а то уволят.

– Ос-споди, естественно, последит, не волнуйся. – Ольга поспешно захлопнула за собой дверь.

Ну и проваливай! – мысленно напутствовала я и с Артемом, висевшим хомутом на шее, отправилась знакомиться с домом. У меня, равно как у той незадачливой няни, имеется профессиональная гордость. Сразу вникла, что, помимо системы центрального отопления, в квартире кое-где отапливается пол. Со свойственной мне дотошностью разобралась, где находятся терморегуляторы, кондиционеры, ионизаторы воздуха, а также как опускаются рольставни на окнах. Больше всего меня потрясло обилие санузлов – два туалета, две ванных, в одной из которых – джакузи, а рядом с другой имелась душевая кабина. Круто: водные процедуры могли принимать одновременно четыре человека!

В комнате Ксении игрушек оказалось не меньше, чем в Артемкиной. Трехэтажный дом – розовые уголья Кена и Барби с разнообразными причиндалами от табуна лошадей до гаража с машинами; дворик с диваном-качелями и бассейном занимал красный угол. На стенах, варварски изрисованных фломастерами, рядом висели отнюдь не детские венецианские карнавальные маски. Безжизненные фарфоровые личики с узкими, хитроватыми провалами глазниц показались мне жутковатыми, они излучали отрицательную энергетику. И я поспешила покинуть девичью детскую. Следующим пунктом нашей с Темой экскурсии стал громадный зал, обставленный в стиле хайтек, в блеске стекла и металла. Целая шеренга всевозможной аппаратуры – навороченный музыкальный центр, DVD, домашний кинотеатр.

– Хочешь, мультики посмотрим? – спросила малыша, опуская его на большой диван, обитый кожей бирюзового цвета. Руки совершенно затекли, прямо отваливались. И вообще я зверски устала. Тянуло лечь и забыться, как мертвая царица, беспробудным сном.

– У-у, у-у! – Артем указывал мне на вход в соседнюю комнату, тянулся туда всей душой и телом.

Предназначение того помещения не поддавалось определению. С одной стороны – тренажеры. Вот какого лешего Ольга поперлась в фитнес-клуб, если с тем же успехом могла качать пресс дома?.. Велотренажер и вовсе напоминал вешалку, поскольку на нем громоздилась куча тряпья. С другой стороны – двухтумбовый письменный стол с компьютером и кабинетный рояль; а еще повсюду довольно крупные напольные растения – драцена, фикус, кипарис, тронутый ржавчиной увядания. Не то зимний сад, не то склад ненужных вещей...

Темочка нетерпеливым ерзаньем дал понять, что далее желает перемещаться в пространстве самостоятельно. Очутившись на паркетном полу, подполз к вращающемуся офисному креслу и зашлепал маленькими ладошками по тугому сиденью, как по барабану.

А меня притянул рояль. Вид клавишных инструментов всегда вызывает во мне ностальгическую грусть, ведь я с раннего детства занималась музыкой. Да не просто занималась, а семнадцать лет посвятила этому сомнительному удовольствию – сначала окончила музыкальную школу, потом училище и, наконец, консерваторию. Фактически лучшие годы сунула псу под хвост... Рояль в доме Архиповых был запылен до полного неприличия – на крышке из ценного, красновато-коричневого дерева вполне можно было рисовать чертиков. Воровато оглядевшись по сторонам, будто кто-то мог подсмотреть, я сняла с велотренажера первую попавшуюся майку и протерла трехногий клавир, который сразу возрадовался, засиял безупречной полировкой. Откинув крышку, узнала его имя: Petroff. Неплохо, совсем неплохо!.. Интересно, для кого Серенький приобрел подобную роскошь? Сам не играет, да и Лялька на пианистку похожа еще меньше, чем на куколку. Неужели для малявки Ксении? Ну, это он погорячился! Я, к примеру, все семнадцать лет чахла над стареньким, облезлым «Красным Октябрем» производства ленинградской фабрики. И ничего, училась исключительно на «хорошо» и «отлично».

Разминая пальцы арпеджио, спросила Тему:

– Что бы тебе сыграть, детка?

– Та-та! – Барабания, пострел разулыбался во все имевшиеся четыре зуба.

«Петрофф» звучал безукоризненно, одно удовольствие играть. Я решила исполнить «Болеро» Равеля, как нельзя лучше соответствующее шумовым эффектам, издаваемым Артемом...

Родители, отдавая меня, шестилетнюю, в музыкалку, не подозревали, что сыграли злую шутку. Выдающимися способностями я не отличалась, вот и пришлось восполнять их отсутствие упорством. Корпела до изнеможения, прямо до крови, капавшей из носа на белые клавиши... Сверстники бесцельно шлелись по дворам, а я часами напролет пилила гаммы, оттачивала технику этюдами, зубрила музлитературу и сольфеджио, казавшееся сложным, как высшая математика. Зачем, спрашивается? Выяснилось, затем, чтобы через семнадцать лет вернуться в ту же музыкальную школу, где училась, но уже в качестве преподавателя и получать мизерную бюджетную зарплатку, похожую на заплатаку. Хоть на три ставки вкалывай, а больше прожиточного минимума не заработаешь...

– Я не виновата, – оправдывалась мама. – Кто бы мог подумать? Когда мы отдавали тебя в подготовительный класс, педагоги зарабатывали наравне с инженерами, те же сто двадцать рублей, это были неплохие деньги, ведь литр молока и белый хлеб стоили двадцать копеек...

А я и не винила маму с папой: если бы не они, вообще бы, наверное, загнулась, как говорится, откинула боты. Но просто занятия музыкой капитально оторвали меня от всего земного, насущного, лишили реалистичных представлений о мире. Я безнадежно отстала от ровесниц, учившихся в других вузах, носивших в сумочках «на всякий пожарный» дежурную зубную щетку, гигиенические тампоны, блистер аспирина на случай похмелья, мятые визитки с номерами таксистов и презервативы. Я представления не имела, как пользоваться резиновым изделием, поскольку осталась девственницей к двадцати четырем годам... Разве это нормально? Конечно, нонсенс! Но что мне было делать со своей молодостью, помноженной на консервативное добропорядочное воспитание, если в консерватории на десять девчонок едва ли приходился один завалящий парень? Музыкальная школа и вовсе детско-бабье царство. Ложа завистниц, не прощающих мельчайшего признака превосходства, будь то колечко на правой руке или... Или жених вдалеке.

Мечта о Греции стала моим протестом, вызовом нищете и унылости стародевичества. Разослав купоны бесплатных объявлений сразу в несколько газет, почти целый учебный год промышляла частными уроками. Мышковала, как называл мою репетиторскую практику папа.

Снисходительный оттенок его выражения был, кстати, неуместен: мышковать достаточно трудно, легче осатанеть от непроходимой лени пубертатных охламонов и охламонок. К тому же приходилось экономить даже на таких мелочах, как маршрутки, дожидаясь муниципальных автобусов, и зашивать колготки. Во всем себе отказывала, чтобы скопить евро на турпутевку. Сумма уже почти набралась, когда меня настигла крупная неприятность: нечаянно приняла ухаживания папаши одного из учеников, десятилетнего Егора, втянувшись в пренеприятнейшую историю, подмочила репутацию...

Начиналось все вполне пристойно, невинно – Геннадий Александрович, забирая сына после занятия, пригласил меня на джазовый концерт в филармонию. Заранее купил три билета, а жена уехала к внезапно захворавшей теще. Ну, я и согласилась, почему бы и нет?.. В антракте мы пили апельсиновый сок и умничали, рассуждая об особенностях джаз-бандового свингования и импровизационной природе джем-сейшенов, Егор внимал музыкальным терминам, как иностранной речи, не смея хулиганить от почтительности. После концерта мы втроем посидели в кондитерской «Кузина», поглощали пирожные, запивая некрепким чаем. Ген Саныч доставил меня домой на подержанном, но вполне элегантном «опеле», поцеловал ручку, поблагодарил за доставленное удовольствие. Потом еще несколько раз приезжал, приглашал, размахивая якобы пропадающими билетами, и мне ничего не оставалось, как отменять либо переносить частные уроки – источник накоплений. Мы и модернистскую драму посмотрели, и вердиевскую оперу «Травиата» послушали. Ребенок, изнывавший от скуки, вдруг решительно запросился к бабушке, папаша радостно удовлетворил пожелание, зазвал меня в гости как бы для того, чтобы показать свою фонотеку. Откупорил шампанского бутылку и... Нет, не стал перечитывать «Женитьбу Фигаро», просто дал волю рукам и всем остальным частям своего немолодого, некрасивого, пожухлого тела. Я недоумевала: неужели от этих жалких содроганий девушек настолько переключивается, что они способны кидаться в реку, травиться ядом, убивать детей, как Медея, и старых, недееспособных мужей, как моя тетка Катерина Измайлова?.. Спросить было не у кого – Ген Саныч спал, похрапывая, а я все пила и пила шампанское. Напилась до икоты, живот раздулся от газов, как у лягушки. Когда вино кончилось, несколько раз сбегала в туалет, стараясь не шуметь. Надела трусы и свои аккуратно зашитые колготки, застегнула лифчик и пуговичку сзади на платье и приклонила голову на подушку, брезгуя сомнительными пятнами на наволочке, накрылась одеялом с чужим, тошнотворным запахом...

Отец ученика мне несколько не нравился, наоборот, был противен. Почему сразу не сбегала? Спросите у моего комплекса неполноценности!.. Я думала: все девушки делают ЭТО... Но, однозначно, не всех избличают с личным!..

Мамаша Егора вернулась так же внезапно, как уехала, только без предупреждения. Кидалась своими вонючими подушками, обзывалась, все такое... С тех пор классические анекдоты про адюльтер меня отнюдь не веселят. Чего уж веселого, если мой позор моментально сделался достоянием общественности? Инцидент не обсуждал только ленивый, ведь родители забрали Егора из музыкальной школы. Ветераны педагогического коллектива требовали от директора, чтобы меня уволили, он оправдывался отсутствием административного основания – я же не прогуливала, оформила больничный лист. Реально заболела, с высокой температурой, потерей голоса и мотиваций для продолжения жизнедеятельности. Высохла и зачахла подобно кипарису на складе забытых вещей, кое-как дотянула до летних каникул, а частную практику вовсе оставила. А мои родители мне тогда не только посочувствовали, но и помогли материально – сняли деньги со сберкнижки и настояли, чтобы я летела в Грецию, как и мечтала. Оттуда я вернулась другим человеком. И в музыкалке все как-то само собой уладилось, устаканилось, забылось.

На бравурной ноте воспоминаний о Греции «Болеро» закончилось. Тоскуя по Волкову, я решила исполнить его ребенку последний ноктюрн Шопена, но несмышленища возвышенные,

щемящие рулады совсем не привлекали, он уполз куда-то. Пришлось завязывать с музицированием. Ходила по квартире и кричала, как в лесу: «Тема-а! Арте-ем!»

Мальчик обнаружился в спальне своих родителей. В заповедном алькове... Да, тут было на что посмотреть... Одно супружеское ложе чего стоит – огромное, квадратное, как поле для гольфа, накрытое ворсистым зеленым покрывалом из искусственного меха. Стену напротив кровати дробили вертикальные зеркальные полоски. И вообще зеркал было хоть отбавляй – на раздвижных дверях встроенного шкафа-купе, даже на потолке, вокруг люстры с большим количеством лампочек. Выходит, хозяевам нравится наблюдать отражения своих интимных занятий... Фу!.. Малыш, кряхтя, стал стаскивать с себя штанишки, испачкал очередной памперс. Добавил неприятных ощущений. Вымыла нытика, передела и пустила пастись на синтетический лужок постели. А сама присела перед туалетным столиком, где творился полный бардак – полупустые упаковки с таблетками, мятые обертки, в пепельнице окурки, испачканные помадой, и, конечно, горы косметики, из-за которых виднелась рамка с фотографией. Дружные супруги Волковы в одних купальных принадлежностях обнимаются на палубе прогулочной яхты. Значит, Серенький побывал на море без меня, но с ней... Положила фото изображением вниз, а сама легла рядом с сонно моргавшим заморышем и засмотрелась в зеркальный потолок.

Вот почему наглой Ляльке встреча с Серым Волком аукнулась комфортной, беспечной супружеской жизнью, а мне сплошными разочарованиями и стрессами? Царапинами, помятостью, изгвазданным свитерком? Ума не приложу... Хотя, в сущности, мне повезло: жена моего любовника напроць лишена бдительности. Я сделала свое дело – предложила помощь и предупредила об опасности. А если она такая безбашенно смелая, пусть не едет к родителям, и пусть этот подлый Эгем делает с ней все, что будет угодно его извращенным мозгам, – стреляет, режет, насилует! Почему я должна переживать из-за третьей лишней?.. Нам с Серегой вдвоем будет гораздо лучше. Мы будем любить друг друга на этом удобном ортопедическом матрасе с вечера до утра; летом, осенью, зимой и весной; в праздники и в будни – когда захотим. А еще будем путешествовать по теплым морям и разным красивым городам. Отмечать Новый год в Париже или в Лондоне, загорать на океанических островах. И всякие Негении Падловичи станут мне не указ – имела я в виду их мелкие риелторские злодеяния! Я собираюсь жить всласть, в полное свое удовольствие. А Серый Волк, как в сказке, будет верно служить мне... При мысли о нем по телу побежали сладострастные мурашки, да не просто побежали, а пронеслись стадами, необузданной ордой!.. Но пленительные грезы разрушил механический Моцарт. Дверной звонок.

Я успела забыть о существовании девочки Ксении и домработницы Нины Осиповны. Одна одарила меня нелюдимым взглядом исподлобья, другая напустилась с расспросами:

– Ты кто такая? Где Ольга?

– Я Катя, – представившись, задрала нос и чуть сгоряча не ляпнула, что являюсь любимой девушкой мужа Ольги, которую с минуты на минуту прикончат бандиты.

– Передай хозяйке, я водила Ксеньку на музыку последний раз! Никудышная у ей расет девчонка – дерзит, перечит, вертится за фортепьяном, чисто волчок. А в ноты глядеть не желает. Учителку совсем замордовала, та сказала, покуда не заплатят, заниматься больше не станет. И я то же самое говорю: пусть Ольга сперва рассчитается. Почему я должна батрачить за бесплатно, ни за спасибо?!

В сердцах она брякнула связку ключей на калошницу в прихожей и подтолкнула ко мне Ксюшу, державшуюся так, будто ее происходящее вовсе не касалось. А у Темочки задрожала нижняя губа – верный признак того, что скоро заплачет. Бедный малыш, какая хрупкая нервная система! Качая его, я старалась втолковать Нине Осиповне, что не имею отношения к стрекозе, сама попала в этот дом как кур во щи. Пожилая женщина заводилась все сильнее, наращивала обороты, вываливая на меня претензии:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.